

В. М. ПИВОЕВ

**ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА,
или ТЕЛЕОЛОГИЯ**

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Петрозаводский государственный университет»

В. М. ПИВОЕВ

ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА, или ТЕЛЕОЛОГИЯ

Петрозаводск
2004

ББК 87.224
УДК 165
П32

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Петрозаводского государственного университета

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

НЕЁЛОВ Е. М., доктор филологических наук, профессор,
ИЖИКОВА Н. В., кандидат культурологических наук

Пивоев В. М.

П32 Философия смысла, или Телеология / В. М. Пивоев; ПетрГУ. —
Петрозаводск, 2004. — 114 с.

ISBN 5-8021-0426-0

В монографии рассматривается проблема смысла в связи с потребностями человека и общества, а также обсуждаются основные проблемы телеологии с целью обоснования ее статуса как философской дисциплины, изучающей вопросы смысла и целей жизни, истории и культуры.

Предназначена для специалистов по философии, студентов и аспирантов, изучающих общий курс философии, философии истории и культуры, а также для учителей и педагогов общеобразовательных школ.

**ББК 87.224
УДК 165**

ISBN 5-8021-0426-0

© В. М. Пивоев, 2004
© ПетрГУ, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Проблема смысла относится к числу важнейших и для языкознания, и философии. Она связана с фундаментальной потребностью и способностью человека осознавать себя и свое существование в мире как осмысленное и целесообразное, предвидеть и планировать свою деятельность. Соответственно бессмысленность считается симптомом кризиса личного и социального бытия и чревата деструктивностью и смертью.

Автора могут упрекнуть, что не имеет смысла писать еще одну книгу о проблеме, которая исследована в тысяче книг, указать на то, что он рассмотрел ее не полно, не обратил внимания на многие аспекты, не пересказал то, что думают по этой проблеме его предшественники. Такие упреки можно выслушать и принять. Действительно, о проблеме смысла можно говорить много и долго, но если есть *что* сказать нового и существенного, то это следует сказать внятно и кратко. У каждого предмета столько сторон, сколько радиусов у шара, новая книга должна найти наиболее важные, актуальные аспекты и новые точки зрения на проблему.

Специфика философии в том-то и заключается, что она задает «вечные» вопросы, на которые нет окончательного ответа, но каждая эпоха обязана вновь и вновь их задавать и находить новые ответы, обогащая видение этих фундаментальных проблем, без решения которых наше бытие становится бессмысленным, ибо Мартин Хайдеггер считал важнейшей задачей философии *вопросание о смысле*.

Специфика предлагаемой в данной монографии концепции заключается в том, что, во-первых, автор рассматривает смысл не под гносеологическим углом зрения, как это обычно делают (при этом смысл считается целью познавательного процесса), а истолковывает в функционально-аксиологическом ключе, раскрывая его существо через отношение к потребностям человека (личности) и общества, в связи с чем различаются личностные и общезначимые (общественные) смыслы. А во-вторых, проблематику смысла он рассматривает в рамках телеологии, философской дисциплины, направленной на обнаружение осмысленности и целесообразности человеческой деятельности, жизни, истории.

Телеология как философская дисциплина до сих пор не вполне конституирована в качестве самостоятельной дисциплины, не обрела статуса полноценной философской науки наравне с онтологией, гносеоло-

гией, эстетикой, этикой и аксиологией. Думается, что это неправомерно, следует исправить данное упущение. Эту цель автор и преследует, намереваясь обосновать этот статус. Он далек от мысли, что удастся рассмотреть в небольшой монографии все проблемы смысла и телеологии, это дело будущего, оно требует участия многих коллег и совместного рассмотрения телеологии с разных сторон. Речь пока идет о том, чтобы привлечь к этим проблемам внимание.

Каждая дисциплина может считаться наукой, если у нее имеется: 1) специфический предмет; 2) методология; 3) тезаурус; 4) концептуальный аппарат.

Термин *телеология* (греч. *τέλος* — цель, завершение, результат и *λογία* — учение) обозначает философскую дисциплину, изучающую целесообразность в жизни человека и мира, цели и смыслы его существования, а также смысл истории. Предметом телеологии, по нашему убеждению, является *осмысление* жизни, истории и культуры. Проблема эта вошла в список важнейших тем размышлений философов с древности до наших дней.

В советское время телеология считалась ложной идеалистической доктриной, которой противопоставлялся детерминизм. Словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет слово «телеология» как «учение, считающее, что все в мире осуществляется в соответствии с заранее предопределенной Богом или природой целью»¹. Большой словарь Кирилла и Мефодия дает сходную дефиницию: «телеология (от *греч.* *τέλος*, *τέλεος* — конец, цель и *λογία* — слово, учение) — философское учение, приписывающее процессам и явлениям природы цели (целесообразность или способность к целеполаганию), которые или устанавливаются Богом (Х. Вольф), или являются внутренними причинами природы (Аристотель, Г. В. Лейбниц)».

Статья о телеологии имеется в «Философском словаре» Кембриджского университета, где она рассматривается как философская доктрина, обосновывающая целесообразность мира и функциональную организованность существования человека².

Методология телеологии имеет иррациональный характер. Пытаясь ответить на вопросы о смысле жизни человека, смысле истории и смысле любой деятельности, мы должны иметь в виду, что на эти вопросы трудно получить однозначные ответы. Или, точнее, однозначные ответы не могут исчерпать существа таких вопросов, они будут страдать непол-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Словарь русского языка. 4-е изд. М., 2000. С. 792.

² См.: The Cambridge Dictionary of Philosophy / Ed. by R. Audi. Cambridge, 1998. P. 791.

ной. Автор опирается в своем исследовании философии смысла на разработанную им концепцию иррациональности³. Здесь особенно важны аксиологические подходы и методы. Без учета важнейших ценностных ориентаций человека говорить о смысле жизни невозможно. Ситуация переоценки ценностей образно представлена у Г. Гессе:

То, что еще вчера жило, светясь
Высокой сутью внятного ученья,
Для нас теряет смысл, теряет связь,
Как будто выпало обозначенье

Диеза и ключа — и нотный ряд
Немотствует: сцепление созвучий
Непоправимо сдвинуто, и лад
Преображается в распад трескучий.

Так старческого облика черты,
Где строгой мысли явлен распорядок,
Лишает святости и красоты
Дряхленья подступающий упадок...

(Пер. С. С. Аверинцева)

Проблема смысла является прямым следствием самосознания и рефлексии, на которые обречен человек в силу специфичности своего существования. В истории философии на вопрос о смысле жизни в разных школах даются разные ответы: в книге Экклезиаста говорится: «все суета сует и томление духа», т. е. все теряет смысл, если нет Бога; сторонники эвдемонизма полагали, что смысл жизни и счастье заключаются в получении удовольствий от удовлетворения потребностей; стоики полагали, что смысл жизни связан с терпением и мужественным преодолением жизненных невзгод в свете нравственных идеалов; христиане уверены, что жизнь имеет смысл лишь под покровительством Господа Бога; утилитаристы видели его в обеспечении общего блага, т. е. возможности для максимально большого числа людей максимально полно удовлетворять свои потребности. В. С. Соловьев полагал, что лишь всеединое добро (Бог) придает жизни смысл; М. Тареев — только слава Божия может быть целью жизни человека; Серафим Саровский связывал смысл жизни со стяжанием благодати в богобоязненном служении Все-

³ См.: Пивовев В. М. Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного знания // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 1999. С. 7—27.

вышнему; А. Введенский считал, что смысл жизни достигается в соотношении с безусловным и трансцендентным началом; Е. Н. Трубецкой — смысл человеческой жизни придает причастность к Абсолютному сознанию; С. Л. Франк — смысл жизни заключен в служении Абсолютному началу в свете Богосознания и Богообщения; Н. И. Несмелов — в уяснении сущности первородного греха и избрании открытого Евангелием пути в царствие небесное; марксизм видел смысл жизни в построении светлого будущего, коммунистического общества.

Телеология как философия смысла рассматривает, во-первых, понимание смысла вообще; во-вторых, вопросы о целесообразности мира, жизни и истории. Эти задачи и определяют структуру монографии. Предлагаемое в данной монографии истолкование смысла исходит из логики освоения и аксиологии (логики ценностей). На этом же обосновывается авторский подход к трактовке смысла жизни и смысла истории.

Академик Д. С. Лихачев сказал, что «в человеке должны сочетаться оптимизм и пессимизм. В нас все-таки преобладают пессимистические корни. 70 лет нас воспитывали на философском учении упаднического характера. Марксизм — одно из самых пессимистических учений, где материя преобладает над духом, а значит, исхода нет. То есть в основе всего — ненависть. Личная воля не играет никакой роли. А если от человека ничего не зависит, то ему не за что бороться»⁴.

Редукционизм стремится сложные явления рассматривать в виде проекции на плоскости, что упрощает и схематизирует их. Метод редукционизма можно проиллюстрировать примером из материалов съезда Немецкого общества психиатров и невропатологов (1960 г.). В докладе, сделанном Й. фон Цедвицем, говорилось: «Между религией, мировоззрением и шизофренией существуют бросающиеся в глаза совпадения во внешних формах проявления. Если свести их в одну таблицу, можно обнаружить, что для многих корреспондирующих феноменов используются даже одинаковые обозначения. Эти совпадения заставляют предположить их общее происхождение, которое действительно обнаруживается в страхе кастрации. Для преодоления страха кастрации, который выступает в виде страха перед богом или боязнью призраков, люди применяют под видом религиозных отправок те же механизмы, что и шизофреник, с той же целью. Те же феномены лежат в основе и миро-

⁴ Комсомольская правда. 1998. № 213.

воззрений, именующих себя материалистическими; и здесь налицо страх кастрации»⁵.

Автор выражает искреннюю признательность рецензентам за ценные советы и доброжелательное отношение к рукописи.

⁵ Цит. по: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 53.

1. ВОПРОШАНИЕ О СМЫСЛЕ И ОСВОЕНИЕ МИРА

Мартин Хайдеггер обозначил существо философии как *вопросание о смысле*. О каком смысле (смыслах) спрашивает философия? Существуют разные подходы к трактовке проблемы смысла. Требование различать смысл-истину, смысл-цель и смысл-ценность выдвинул в числе первых Е. Н. Трубецкой¹. Однако этого недостаточно. Обычно дефиницию понятия «смысл» связывают, во-первых, с проблемой познания истинной сущности вещи, и такой подход вполне возможен и правомерен в рамках теории познания (в этом случае бессмысленно то, что ложно). Типичным воплощением такого подхода является платоновская «идея» как смысл вещи, воплощение ее сущности в качестве первообраза, модели и образца. Правда, И. Кант пришел к пессимистичному выводу, что сущность вещей сама по себе непостижима и что ее познание опосредовано формой или явлением.

Во-вторых, смысл нередко понимают как мотив действий и деятельности (и тогда немотивированность расценивается как бессмысленность).

В-третьих, смысл есть то, что схвачено мыслью, понято и сопряжено с другими мыслями (бессмысленно то, что не понято).

В-четвертых, смысл есть подчиненность деятельности человека какой-либо конечной цели, то есть целесообразность (бессмысленность тождественна бесцельности).

В-пятых, осмысление создает системно-целостное видение мира (симптомом бессмысленности являются бессистемность и бессвязность мысли и речи), и смысл образуется из системы ценностной картины мира. Потребность в систематизировании и упорядоченной организации является в немалой степени врожденной.

В-шестых, смысл имеет ценность как некий организующий принцип и ориентир (бессмысленность в этом случае проявляется как дезориентированность и дезорганизованность).

В-седьмых, смысл имеет последовательность, обусловленность и логическую правильность размышлений (путаница, непоследовательность и нелогичность есть бессмысленность).

В-восьмых, смысл выявляется как отношение к потребностям человека (отсутствие связи с потребностями является проявлением бессмы-

¹ См.: Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 22.

сленности). Нам представляется наиболее важным этот последний, ценностный аспект — связь с потреблением. М. М. Бахтин определял смысл как ответ на какой-либо вопрос, но коль скоро наши вопросы обусловлены потребностями, нетрудно обнаружить связь смысла с потребностями человека: то, что не отвечает на наши потребности, лишено смысла. При этом мы можем различать потребности субъективно-личного характера и общественные потребности, что позволяет выделять личностные смыслы и общезначимые, социальные смыслы.

Фундаментальным свойством человека является способность сознания, которая задает человеку потребность рефлексии, отдавания себе отчета о себе и своей деятельности, опережающего отражения и предвидения последствий деятельности человека. Все это порождает представление о смысле каждого нашего действия. Человек обычно работает ради заработка, чтобы обеспечить свою семью; он ест, потому что испытывает чувство голода; гуляет и беседует с друзьями, потому что испытывает потребность общения с ними; смотрит телевизор, чтобы узнать, что творится в мире. Все эти действия могут получать оправдание и объяснение, то есть имеют смысл, ибо связаны с жизнью человека и удовлетворением его потребностей.

Освоение. Что такое «освоение»? Это слово считается понятным и очевидным, полагают, что речь идет о превращении чего-либо в «свое».

Давайте сопоставим две пары понятий: «присвоение» и «отчуждение»; «освоение» и «очуждение». Допустим, студент приходит в аудиторию раньше всех и видит на столе авторучку. Чья она? — Как бы ни чья, ведь хозяина нет. Если студент кладет эту авторучку в карман (хотя лучше этого не делать), то он *присваивает* чужую вещь. Действие здесь имеет материально-предметный и относительно заверченный характер. Относительно заверченный потому, что кто-то, увидев эту ручку у него, говорит: «О, это моя, я оставил вчера в аудитории, отдавай!» — и производит *отчуждение*. И опять действие материально-предметное и относительно завершенное.

В отличие от этого, «освоение» есть воображаемый, духовный процесс. Когда мы что-либо осваиваем, мы это «в кармане» не уносим. Мы уносим в голове, в сознании осмысленную информацию о том, что мы освоили. Аналогично и «очуждение» следует считать психологическим, негативным отношением настороженности, бдительности к тому, что может представлять для нас угрозу. К. Маркс, введя понятие «отчуждение», имел в виду именно материально-вещные отношения, но психоло-

ги не обратили на это внимания и стали использовать его неверно, вместо понятия «очуждение», в психологическом смысле.

Словари определяют слово «освоение» через глагол «освоить» — «усвоить, постичь что-либо, вполне овладеть чем-либо, включить в круг своей хозяйственной деятельности»². В. И. Даль отмечал следующие его значения: «усвоить, присвоить, сделать своим, сделать обычным, обиходным»³. М. Фасмер сближает по смыслу слова «свой» и «свобода», полагая, что они происходят от одной корневой основы⁴. Свобода возможна лишь в «своем» мире, освоение мира есть условие свободы.

В числе первых использовали термин «освоение» для характеристики отношения человека к миру В. П. Тугаринов, А. Н. Чанышев и А. Курелла. Понятие «освоение» применяется философами для характеристики эстетического отношения человека к миру (А. Ф. Еремеев, М. С. Каган, Н. З. Коротков). Одной из первых предприняла предметный анализ категории «освоение» Т. А. Рунева. Она рассматривает освоение как сущность деятельности: «Освоение есть осуществляемое в процессе универсальной человеческой деятельности превращение природной и общественной необходимости в свободу, законов объективной действительности — в законы человеческой деятельности, условий социального бытия человека в его собственную сущность»⁵. Такая точка зрения на «освоение» возможна, но не обязательна, потому что, подойдя с других позиций, сущность деятельности можно определить как удовлетворение потребностей, которому служит освоение. Осваивая, делая своими предметы и явления окружающего мира, человек вовлекает их в сферу своего существования. Как считает Н. З. Коротков, освоение — это процесс «превращения» предметов окружающего мира в человеческие ценности, при этом происходит социальное становление человека⁶.

И все же в термин «освоение» следует вкладывать более широкий аксиологический смысл, связанный с взаимоотношениями человека и социума с миром и космосом не только в эстетическом аспекте. Когда речь идет об отдельном человеке и его освоении мира, то имеется в ви-

² Словарь русского языка: В 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 882.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 694.

⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1987. Т. 3. С. 582—583.

⁵ Рунева Т. А. Освоение как сущность деятельности // Категории исторического материализма в их взаимосвязи. Свердловск, 1978. С. 130.

⁶ См.: Коротков Н. З. Эстетическое и художественное освоение действительности. Пермь, 1981. С. 4.

ду человек как представитель социума, осваивающий, очеловечивающий природу. Здесь более приемлемо понимание термина «освоение» немецким философом А. Куреллой, писавшим: человек «единственное существо, которое в состоянии как индивид и как род проявить свою внутреннюю сущность, свое, так отделить его от себя, что это свое оказывается затем противостоящим ему как нечто чужое. В качестве чужого (и только в качестве такого) свое получает долговечность, и благодаря этой долговечности (и только благодаря ей) оно может быть присвоенно либо тем, кем оно отчуждено, либо другими, чужими людьми»⁷. Процесс обмена со средой заключается во взаимопереходе чужого в свое и своего в чужое. По словам В. П. Тугаринова, «в основе освоения мира человечеством и отдельным индивидом лежит триединый акт: познание — оценка — практика. На начальных этапах истории эти стороны или формы освоения мира, поскольку все они направлены в конечном счете на удовлетворение нужд человека, достигаемое в практике, и поскольку познание и оценка были ограничены непосредственным удовлетворением этих потребностей, были включены в процесс практики»⁸.

Для характеристики материального обмена более уместны термины «присвоение» и «отчуждение», которые выражают прерывность, материальность и относительную завершенность процессов. Что присвоено, то стало своим, и наоборот — что отчуждено, стало чужим на данный момент полностью. Средством, инструментом и знаком присвоения предметов могут быть, например, язык, которым облизывают вещь, чем присваивают ее, или на нее ставят метки, тавро, тамгу, освоенную территорию обозначают межевыми знаками, пограничными столбами. К этому же может быть сведена сущность обряда инициации у древних и «примитивных» народов: молодежь, достигшая возраста половой зрелости, принимается в число полноправных членов, община «присваивает» их, делает своими. Но принять в общину можно и «чужого», если он примет обряд посвящения. Этой же цели служили обряды побратимства, кумовства и др.

При осмыслении отношений индивида и объективного социального опыта необходимо пользоваться термином «усвоение». Усвоением называют «процесс воспроизведения индивидом исторически сформированных, общественно выработанных способностей, способов поведения, знаний, умений и навыков, процесс их превращения в формы индивидуальной субъективной деятельности». Усвоение всегда выступает как

⁷ Курелла А. Свое и чужое. М., 1970. С. 46—47.

⁸ Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971. С. 53.

процесс интериоризации, «воспроизводства в формах субъективной (внутренней) деятельности первоначально внешне заданных образцов общественного опыта и средств ориентации в нем»⁹. Усвоение опыта деятельности происходит двумя путями: путем подражания практической деятельности, которую наблюдают, и путем идеального (знакового) подражания, по описаниям и образцам. При этом необходимо оговориться, что усвоение социального опыта субъектом-индивидом всегда имеет характер освоения, потому что, усваивая объективный общественный опыт, он придает ему субъективную форму, вписывает в свое видение мира.

Вот как об этом писал христианский мыслитель Аврелий Августин: «Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь, и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучавшим словом называлась именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигивания, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания»¹⁰. Примерно таков порядок усвоения социального опыта индивидом на достаточно высоких ступенях развития общества. Он дополняется индивидуальным опытом номинации, о котором писал К. И. Чуковский в очерках «От двух до пяти». Ребенок, как было замечено, пытается охватить, выразить в имени сущностные признаки, свойства и отношения предмета. Подобными принципами руководствовался человек и в филогенезе.

Духовное освоение имеет воображаемый, интеллектуальный характер и складывается из познания, понимания (сознания) и осмысления (оценки). Понимание нередко определяют как познание с помощью понятий. Но это не исчерпывает существа дела. Слова «понятие», «понимание» происходят от древнерусского «имати», «ять» (братъ, взять), родственных словам «имя», «имена». «Понимание» изначально имело смысл овладения, взятия, «имя» — это знак принятости в «свой» мир.

⁹ Психологический словарь. М., 1983. С. 379.

¹⁰ Августин А. Исповедь. М., 1991. С. 61.

Как заметил А. Бергсон, понимать — это значит «спросить у предмета, что нам с ним делать, что он может нам сделать»¹¹, то есть какие наши потребности он может удовлетворить.

К. Р. Мегрелидзе определяет понимание вещи или ситуации как «усмотрение ее строя, ее структуры, ее места или значения в системе задач, занимающих сознание. Согласно этому, *понятие* будет усмотренное сознанием смысловое отношение объектов, закон внутреннего строения или реальное значение...»¹². Понятие обобщает *один* признак, свойство, аспект множества предметов, в этом смысле понятие однозначно. Понятие обозначает множество предметов, взятых в *одном* отношении, под одним углом зрения, поэтому оно и стало фундаментом рационализма. Существенно также, что понятие отвлекается от отношения субъекта к объекту, имеет объективный характер по отношению к индивидуальному субъекту. Оно фиксирует обобщенное и абстрагированное свойство многих предметов, познанных, изученных субъектом, который предстает в этом процессе как безличный представитель социума.

В мифологическом сознании освоение предмета осуществляется через выяснение его происхождения, и это вполне «логично». Говоря словами С. С. Аверинцева, «по логике мифологического символа понять загадку и понять... самое загадывающую — одно и то же. На этой логике основан, между прочим, распространенный сказочный мотив невесты, задающей загадки претендующим на ее руку; разгадка — условие брачной ночи, ибо ее аналог»¹³. Таким образом, истоки слова «понять» восходят к представлению о практическом освоении (овладении) предмета.

Но зададимся вопросом: «Что такое *смысл*?» Своеобразный ответ дал на него М. М. Бахтин: «Смыслами я называю *ответы* на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла». И далее: «Смысл не может (и не хочет) менять физические, материальные и другие явления, он не может действовать как материальная сила. Да он и не нуждается в этом: он сам сильнее всякой силы, он меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преображение бытия). Каждое слово

¹¹ Бергсон А. Введение в метафизику // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 1194.

¹² Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973. С. 213.

¹³ Аверинцев С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе // Античность и современность. М., 1972. С. 97.

текста преобразуется в новом контексте»¹⁴. Тем более, что «смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова, — столько его значений»¹⁵. Каждый знак может вступать в отношения с любыми другими знаками и образовывать новые смыслы. И тогда в семиосфере возникает многомерное пространство, затянутое «паутиной» смыслоотношений. В ней легко заблудиться и запутаться. М. М. Бахтин утверждал, что «смыслы» не умирают, в них «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»¹⁶.

Что порождает смысл? Он связан с вопросами, которые мы задаем:

- 1) *что?* — знание предметное;
- 2) *где?* — знание топографическое, или географическое;
- 3) *когда?* — знание хронографическое, или историческое;
- 4) *почему?* — знание причинное;
- 5) *как?* — знание технологическое;
- 6) *зачем? для какой цели?* — знание телеологическое.

Какие же вопросы мы задаем чаще всего? — Что, где, когда. В ответ на вопрос «что?» мы получаем *предметное* знание, или знание о предмете. На вопрос «когда?» мы получаем *историческое* знание. На вопрос «где?» мы получаем *географическое* знание. Эти вопросы нередко называют эмпирическими вопросами, и знание, получаемое в ответ, — эмпирическое знание, оно доступно любому внимательному и наблюдательному человеку. Четвертый вопрос — «почему?», в ответ на него мы получаем *причинное* знание. Это уже теоретическое знание, которое, как говорится, «на дороге не валяется». Чтобы его получить, следует обладать памятью, умением логически мыслить, чтобы сделать правильные выводы из имеющихся фактов. Пятый вопрос — «как, каким образом?», в ответ на него мы получаем *технологическое* знание. Тоже достаточно важное знание: человека, обладающего технологическим знанием и опытом, ценят. Однако самый главный вопрос — шестой, это вопрос «зачем?» Если на него нет ответа, то все предыдущие вопросы напрасны. Если мы не знаем, зачем нам все то, что рассказывается в этой книжке, то пользы от этого знания минимум.

¹⁴ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350, 367.

¹⁵ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929. С. 95.

¹⁶ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 373.

Структуру освоения можно изобразить в виде такой схемы:

Здесь представлена наглядная модель процесса освоения мира, показывающая, что, во-первых, освоение мира есть ответ на потребности человека; во-вторых, освоение мира есть его осмысление; в-третьих, осмысление есть выявление ценностных отношений, построение ценностной картины мира, связанной с задачами удовлетворения потребностей.

Освоение — не столько познание (которое есть первая, предварительная, необходимая, хотя и не главная ступень), сколько осмысление, выявление смысла осваиваемой вещи, ее отношения к потребностям человека. Вот эта вторая ступень — осмысление — является самой важной в освоении. Поэтому определение М. М. Бахтина можно уточнить: смысл — это не только то, что отвечает на какой-либо вопрос, но и то, что отвечает на наши потребности (личные или общественные). Как заметил В. О. Ключевский, «цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками; иначе знание становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве что пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза»¹⁷.

Как же раскрыть, понять, разъяснить и прокомментировать смысл какого-либо образа или символа? — задается вопросом М. М. Бахтин и отвечает: «Только с помощью другого (изоморфного) смысла (символа или образа). Растворить его в понятиях невозможно». В крайнем случае возможны или *относительная* рационализация смысла, то есть обычный научный анализ, или углубление его горизонта с помощью других смыслов, путем расширения далекого контекста, — это позволяет сделать философско-художественная интерпретация. Поэтому, как заме-

¹⁷ Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 60.

часть Бахтин, такое «истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно и не может стать научным в смысле научности точных наук. ...Интер-претация смыслов не может быть научной (в смысле критериев естественных наук. — В. П.), но она глубоко познавательна. Она может непосредственно послужить практике, имеющей дело с вещами»¹⁸, ибо раскрывает смысловой контекст.

В то же время «...явление природы не имеет “значения”, только знаки (в том числе слова) имеют значения. Поэтому всякое изучение знаков, по какому бы направлению оно дальше ни пошло, обязательно начинается с понимания». Бахтин предлагал рассматривать его как «превращение чужого в *свое-чужое*»¹⁹, поскольку лишь во взаимодействии с другими *чужими* идеями своя идея достигает полного расцвета²⁰.

Вопрос о смысле уточняет Н. А. Бердяев: «Смысл связан с концом. И если бы не было конца, т. е. если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы. Смысл лежит за пределами этого замкнутого мира, и обретение смысла предполагает конец в этом мире»²¹.

Сущность вещи и ее смысл. Когда-то Сократ полагал, что сущность вещей может быть сведена к обнаружению общего в различном, но вскоре открылось, что далеко не во всех случаях этот подход дает удовлетворительный результат. Например, сущность человека не может быть исчерпана его родовым качеством, и тогда на первый план у Сократа (в диалоге «Алкивиад I») вышло понятие души как сущности человека.

Платон определил сущность вещей гораздо проще, введя понятие *идеи* как сущности вещей, их первообраза, архетипа и модели. Аристотель продолжил анализ этой проблемы, добавив понятия *субстанции* как формы и материала и *энтелехии* как актуализованности вещи в форме и материале.

Многие философы обращались к этой проблеме, разбирая разные ее стороны. Так, Джон Локк опирается на понятие «здорового смысла» как на исходное априорное представление, которое должно быть общей для всех точкой отсчета при построении любых познавательных процедур.

¹⁸ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 362.

¹⁹ Там же. С. 371.

²⁰ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 146—147.

²¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 216.

Наиболее интересным представляется исследование А. Ф. Лосева в работе «Самое самó»²². Согласно обычному для него подходу (аналоги которого мы можем обнаружить у Фомы Аквинского), он разбирает сначала отрицательные определения сущности вещи. Ее нельзя свести ни к материи, ни к форме, ни даже к единству формы и материала, последние есть лишь результат нашего логического мышления. Далее, вещь не может быть сведена ни к одному из ее признаков, ни к их совокупности, вещь может быть определена только из самой себя через интерпретацию абсолютной индивидуальности вещи в символических формах. Конечно, надо отдавать себе отчет, что полностью раскрыть сущность вещи невозможно, она предстает как тайна, явленная в вещи и рационально не постижимая, но выражимая в знаково-символической форме. И тогда он приходит к заключению: «Все существующее есть символ абсолютной самости»²³, то есть Бога.

Конечно, сущность вещи не совпадает с ее смыслом. «...Самость — выше всяких различений, смысл же требует отличения себя от всего иного и требует различений внутри себя»²⁴. А. Ф. Лосев отвергает теории, сводящие вещь только к смыслу или же низводящие смысл к роли придатка вещи. Смысл не существует вне вещи, он противостоит бессмысленности, но сама вещь существует вне смысла, до смысла, порождая смысл, вещь — источник смысла. Но и смысл обладает некоторой относительной самостоятельностью. «Смысл бытия есть *все то, что можно о нем помыслить, почувствовать, представить*», «смысл вещи есть то, чем она отличается от всего прочего»²⁵. Смысл вещи отличается ее от других вещей, сохраняя самотождественность во всех ее отношениях.

Любой смысл, по нашему убеждению, определяется целью, целесообразностью, которая связана с потребностями человека.

Значение и смысл. Одним из трудных вопросов семиотики считается разведение понятий «смысл» и «значение», поскольку речь здесь идет о разных аспектах содержания знака. Помог прояснить эту проблему Ч. Пирс, введя разделение семиотики на три дисциплины: синтактику (науку об отношениях между знаками), семантику (науку об отношениях знака и обозначаемого) и прагматику (науку об отношениях между субъектом, использующим знаки, и тем, что эти знаки обозначают). По-

²² Лосев А. Ф. Самое само // Миф — число — сущность. М., 1994. С. 299—526.

²³ Там же. С. 308.

²⁴ Там же. С. 474.

²⁵ Там же. С. 484—485.

следнее предстает как смысл по отношению к субъекту. И тогда понятно, что значение есть проблема семантики, а смысл — проблема прагматики.

Все многообразие смыслов можно подразделить на два вида: личные и общезначимые (социальные). Личностные, или личные, смыслы имеют отношения к значимым лишь для отдельного человека потребностям и следам в памяти, связанным с какими-то событиями его личной жизни. Так, засушенный в книге цветок может мне напоминать о какой-то встрече или разговоре и важен для меня как память об этом событии, в этом его смысл для меня. Другому человеку этот засушенный цветок ничего не говорит, это только мусор, разве что может служить закладкой в книге. Но если на столе лежит авторучка и паста в ней не закончилась, то эта ручка имеет смысл средства для письма и может послужить любому человеку, умеющему писать и нуждающемуся в инструменте для этого.

Как справедливо замечает Н. К. Гаврюшин, русское слово «сѣмысл» изначально есть «со-мысль, сопряжение мыслей, диалектическое равновесие умных энергий»²⁶. В немецком Sinn, французском sens, английском sense — сильнее чувственный компонент; напротив, в немецком Begriff, английском conception — слишком сильно рациональное начало. В русском слове «смысл» нет этих крайностей, оно и не слишком рациональное и не слишком чувственное, сочетает и то и другое, рациональное и иррациональное.

Культура как семиосфера направлена на освоение мира, осмысление его, обеспечение взаимопонимания, самовыражения и самореализации. Изначально язык рассматривался как система магических знаков-символов. Каждая буква почиталась носителем числовых, сакральных и эзотерических смыслов. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец», — говорит Бог устами ангела в Откровении Иоанна Богослова. Затем таким воплощением системы смыслов может почитаться словарь. Вот как видел это С. Я. Маршак:

Усердней с каждым днем гляжу в словарь.
В его столбцах мерцают искры чувства.
В подвалы слов не раз сойдет искусство,
Держа в руке свой потайной фонарь.

²⁶ Гаврюшин Н. К. Русская симфония // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 9.

На всех словах события печать.
Они дались недаром человеку.
Читаю: «Век. От века. Вековать.
Век доживать. Бог сыну не дал веку.

Век заедать, век заживать чужой...»
В словах звучит укор, и гнев, и совесть.
Нет, не словарь лежит передо мной,
А древняя рассыпанная повесть.

Язык — это «дом бытия» (М. Хайдеггер) культуры, это ее форма, а, по верному замечанию К. Н. Леонтьева, «форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающей материи разбегаться»²⁷. Но самое главное в языке — это его понимание, осмысленность, насыщенность смыслом.

В языке современной семиотики выделяют два плана — денотативный и коннотативный. Денотативное значение соотносимо с платоновской «идеей», это типовое значение, являющееся образцом, выражающим основные сущностные характеристики, свойства объекта. Коннотативные значения — это дополнительные, переносные, возникающие из соотнесения с системой ценностей контекста культуры, с «идеологией». Ролан Барт выделяет пять основных кодов, помогающих деконструировать художественный текст: герменевтический (Голос Истины), прозрительский (Голос Эмпирии, или действия), семный (Голос Личности, или значения), референциальный (Голос Знака, или культурный), символический (Голос Символа). Эти «пять кодов образуют своего рода ячеистую сеть, топикку, через которую пропускается любой текст. <...> ...Код — это перспектива цитаций, мираж, сотканный из структур...»²⁸, помогающий обнаружить коннотативные смыслы текста.

Каждый знак имеет значение, ибо выражает смысл. В чем различие между этими двумя очень близкими терминами? *Значение* есть проблема семантики как раздела семиотики, где рассматривается отношение знака и обозначаемого, а *смысл* есть проблема прагматики, которая рассматривает отношение обозначаемого к субъекту высказывания и его потребностям.

Смыслы можно разделить на два больших класса: личностные и социальные. Если какой-то предмет имеет отношение к моим личным, индивидуальным потребностям, то это и называется личностным смы-

²⁷ Леонтьев К. Н. Цветущая сложность. М., 1992. С. 75.

²⁸ Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 32.

слов. Если же мне лично данный предмет не нужен, но он может пригодиться кому-либо другому, так как обладает потенциальной способностью удовлетворять типичные потребности людей, то это называется социальным смыслом.

Смысл обычно раскрывается в дефиниции, но она обнаруживает не столько смысл, сколько значение. Конкретный смысл знак получает в контексте, строго говоря, сколько контекстов — столько смыслов. Не случайно в словарях стараются приводить несколько примеров контекста, чтобы можно было получить представление о нюансах значений и смыслов.

Как уже было отмечено выше, М. М. Бахтин определил смысл как то, что отвечает на какой-то вопрос. Если нечто ни на какой вопрос не отвечает, значит, это нечто лишено смысла. Освоение мира есть вопрошание мира о смысле. М. М. Бахтин расчленил понимание на ряд отдельных актов: 1) психофизиологическое восприятие физической стороны знака; 2) *узнание* его (как знакомого или незнакомого); 3) понимание его *значения* в данном контексте (ближайшем и более далеком); 4) диалогическое понимание (спор-согласие) и включение в диалогический контекст. При этом он обращал особое внимание на роль оценочного момента в понимании²⁹. Или приведем замечание Ю. М. Лотмана: «то, что не имеет конца, — не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства»³⁰. При этом происходит определение границ осмысления интересов, за которыми смысла нет или обнаруживается пространство иных смыслов³¹. Система смыслов человеческой культуры отражает систему мотиваций (потребностей) человека и различных социальных групп и выражается в системе ценностей как средств удовлетворения этих потребностей. Но если представить себе число субъектов (индивидуальных и групповых) различных интересов, обладающих уникальными наборами ценностных ориентаций, то это позволит понять сложность и многомерность нашей культуры.

Пространство смысла многомерно. Дело в том, что любой знак выражает смысл. В то же время каждый знак может вступать в семиотические отношения со всеми другими знаками, порождая новые смыслы. Но если языков в человеческой культуре более пяти тысяч, а в них по

²⁹ См.: Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 361.

³⁰ Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417.

³¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 267.

несколько десятков знаков, то можно представить, сколько новых смыслов может быть порождено. Эта картина сопоставима со звездным небом или бездной хаоса, открывающейся бездной бесконечного смыслоценностного Космоса-Хаоса, которую нужно осваивать, понимать. Понимание есть осмысление (извлечение смысла) и освоение (уяснение ценностных параметров мира).

И все же, как правило, западная философия смысла слишком рационализирована, приземлена, ориентирована на прагматизм, утилитарность, практический, житейский, здравый смысл³².

Российская философия смысла в большей степени «непрактична», она ориентирована не на практику, а на решение метафизических проблем смысла жизни, культуры, истории, мира в целом. В свете этого вопрос о смысле жизни претендует на роль *основного вопроса философии*.

³² См.: Бурдые П. Практический смысл. СПб., М., 2001.

2. АКСИОЛОГИКА СМЫСЛА

Ценность как смысл. Современная философия к началу XXI века созрела для методологической «переоценки ценностей», для отказа от абсолютного диктата парадигмы рационализма и выхода на иную парадигму. Контуры ее пока не ясны, но поиск идет сразу по нескольким направлениям, где различают рационализм классический, неклассический и постклассический. Можно сослаться хотя бы на работы М. К. Мамардашвили, В. С. Степина, Н. С. Автономовой, Н. С. Мудрагей, В. В. Налимова, Л. Витгенштейна, Г. Башляра, Ж. Делёза¹. Некоторых подобная перспектива приводит в ужас, ибо рушатся привычные и удобные формы философствования, это кажется «концом света», другие же видят в такой «революции» возвращение (re-volte) к традициям русской иррационалистической философии. К этим последним относит себя и автор данной статьи.

Когда мы говорим о «логике смысла», слово «логика» понимается здесь не как жесткая, однозначная каузальная (причинная) связь, а как вероятностная обусловленность, например следующего типа: если А, то, вероятнее всего, В или С, а может быть, и D, все зависит от некоторых условий.

Одномерность мышления задана практическим, дневным сознанием, которое стремится к эффективности и результативности «любой ценой». Но, достигнув результата, человек начинает понимать, что цена чрезмерна, что если бы знать заранее о величине цены, которую придется заплатить, то не стал бы решать эту проблему. Данная ситуация сегодня осмысливается как вопрос о «пограничной пользе», когда цена издержек превышает или уравнивается с ценой результата.

Формы сознания и мышления человека имеют консервативный характер, ему (человеку) удобнее иметь дело с одним объектом мысли, нежели сразу с несколькими. Но в начале XX века А. Бергсон обнаружил типичную ошибку рационального подхода к времени: время осмы-

¹ См.: Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1984; Исторические типы рациональности. М., 1989; Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1995; Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М., 1988; Мудрагей Н. С. Рациональное и иррациональное. М., 1985; Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993; Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 75—319; Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987; Делёз Ж. Логика смысла. М., 1995.

сливается как протяженность, а не как длительность. Вслед за этим была поставлена проблема: как раскрыть одновременность феноменов многомерного сознания человека в одномерном линейном повествовании в литературе. Решить ее удалось ирландскому писателю Джеймсу Джойсу, который представил «одновременность» в виде «потока сознания».

Одна из замечательных попыток рассмотреть ту же проблему в семиотическом и психоаналитическом планах содержится в книге Жилия Делёза «Логика смысла». Делёз отвергает классическую платоновско-гегелевскую и феноменологическую теории смысла. Согласно первой теории, смысл изначально, объективно и трансцендентно задан и должен только выявляться в ходе осмысления. Вторая теория, по его мнению, обладает избыточным психологизмом. Он предпочитает выстраивать свой взгляд на основе подходов «философии жизни» (Ф. Ницше и А. Бергсон), а также в русле лингвистической теории стоиков как проблеме языка, то есть семиотическую проблему. Вопреки теории репрезентации, Делёз полагает, что знак не репрезентирует (представляет) объект, а указывает на его отсутствие, это лишь «след» объекта. Поэтому он считает, что язык касается лишь поверхности объектов и смысл представляет собой «нечто текучее, подвижное, становящееся», поскольку возникает на границе физического и семиотического. «Смысл одновременно является и *событием*, и *со-бытием*: событием, поскольку он процессуален, включен в систему отношений языка и вещей, а также является результатом отношений между элементами самого языка; со-бытием в силу своей сопричастности Бытию»².

В классическом структурализме структура является причиной, порождающей смысл. Делёз же полагает, что сама структура не является упорядоченной, следовательно, не может порождать смысл, который является результатом «чистой игры». Эта игра идет без предварительных правил, без победителей и побежденных, в ней перепитии порождают качественные изменения. Смысл также лишен личностного измерения. Вслед за стоиками Делёз понимает смысл как «*выражаемое в предложении*» — это бестелесная, сложная и не редуцируемая ни к чему иному сущность на поверхности вещей; чистое событие, присущее предложению и обитающее в нем»³. Он сторонник идеи так называемого «шизофренического языка», который порождает смыслы, никак не

² Мельникова Л. П. «Логика смысла» // Пост-модернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 424—425.

³ Делёз Ж. Логика смысла. С. 34.

связанные с объективной реальностью, создает воображаемые, субъективные реальные миры и сущности.

Вопросы, поставленные Делёзом, важны и интересны. Он использует логику парадокса для осмысления многомерных феноменов и в то же время пытается употреблять естественнонаучную, физическую и математическую терминологию, которая отягощена однозначными смыслами. Конечно, такое поведение отчасти оправдано, он хочет, чтобы его поняли правильно, ибо если он будет злоупотреблять неологизмами, то его никто не поймет (таких новых терминов французские философы и так ввели немало). Он пытается осмыслить иррациональные феномены, пользуясь рационалистическими методами и терминологией, опасаясь при этом двусмысленности и не доверяя иррациональному.

Однако еще античный философ Зенон Элейский понял, что рациональными, формально-логическими, однозначными методами невозможно осмыслить такие феномены, в которых возникает противоречие. Например, движение нельзя свести к одному измерению, его можно понять лишь как единство двух измерений, пусть даже такое представление не имеет аналогов в нашем обыденном опыте. Переход от одного измерения к двум — кривая. Апории Зенона подтолкнули А. Бергсона к его концепции длительности.

Речь в нашей работе пойдет о поисках источников не столько детерминации, сколько обусловленности отношений субъекта к объекту, человека к миру.

В процессе социализации человек усваивает формы и способы осмысления феноменов, впечатлений от осваиваемого мира, а также некоторую шкалу фундаментальных ценностей, принципов отношения к миру и поведения в нем (стратегии поведения и деятельности), одновременно происходит усвоение норм и способов поведения, оцениваемых обычаями как нравственные, общепринятые способы удовлетворения потребностей (тактика). Различия в тактике нередко вызывают более резкую реакцию нетерпимости, чем в стратегических, принципиальных позициях. Хотя в действительности имеет смысл спорить лишь о принципах и о стратегии. Ибо из одних и тех же фактов разные люди делают различные выводы. Почему это происходит? чем такие различия обусловлены? — на данные вопросы пытается искать ответы логика особого рода — *аксиологика*, или логика ценности.

Ценностная обусловленность. Слово «ценность» («value», «valeur», «valor», «wert») в европейских языках одновременно означает «значимость» и «стоимость», из-за чего нередко возникает путаница. Немец-

кое «wert» происходит от древнего «var» — выбирать, а английское «value» — от латинского «valere» — «иметь значение»⁴. Г. П. Выжлецов обращает внимание на возникшее по этой причине смешение понятий «меновой» и «потребительной стоимости»⁵.

Особенности феномена аксиологии можно наиболее наглядно показать на материале мифологического сознания. При анализе поведения аборигенов этнографы достаточно давно обнаружили появление странных с точки зрения современной логики умозаключений, которые делали представители традиционных обществ из имевшихся налицо фактов. Так, если мальчик оказывался вблизи умершего в этот момент от какой-то болезни домашнего животного, его тотчас обвиняли в колдовстве и смерти этого животного. По мнению туземцев, естественной смерти не бывает, всегда есть конкретный виновник, который причиняет смерть. Вину нередко определяли на основе ассоциации по смежности.

Освоение и осмысление мира преследует цель — выявление объективных ценностных оснований и построение субъективно-объективной иерархии, организации и перестройки (если это возможно) мира для повышения его функциональности, то есть оптимальности функционирования, удовлетворения потребности⁶.

Д. М. Угринович писал: «Логика мифологических структур принципиально отличается от логики научного мышления, ибо мифологические структуры всегда дают иллюзорное, фантастическое отражение реальных связей и зависимостей, свойственных окружающему миру. Если это и логика, то особая “мифологика”, которая неадекватна объективной логике предмета... хотя миф и отражает некоторые противоположности, но он всегда пытается преодолеть эти противоположности в сознании с помощью фантастических образов»⁷. Л. Леви-Брюль предложил именовать «пралогическим» мышление первобытного человека, полагая, что в древнем сознании существовала принципиально иная, отличная от современной логика — «не замечающая» противоречий. По этому поводу Ницше замечал: «Наши страсти часто противоречат друг другу; в этом нет ничего удивительного. Наоборот, было бы странно, если бы они были в гармонии друг с другом. *Внешний мир* играет на

⁴ См. подробнее: Столович Л. Н. Природа эстетической ценности. М., 1972; *Он же*. Красота. Добро. Истина: Очерк эстетической аксиологии. М., 1994; Каган М. С. Философская теория ценности. СПб., 1997.

⁵ См.: Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб., 1996. С. 92—93.

⁶ См.: Пивов В. М. Философия культуры. Петрозаводск, 1999. Ч. 1. С. 43—51.

⁷ Угринович Д. М. Введение в религиоведение. М., 1985. С. 54.

струнах нашего инструмента; что же удивительного, если часто получается диссонанс!»⁸.

Обнаружить логику воображения значит понять, что обуславливает выбор из богатого эмоционального опыта, из памяти чего-то одного, необходимого для установления связи или отношения. Логика этого воображения соотносима с логикой сна, логикой бессознательного. Днем сознание человека контролирует свое состояние, ночью этот контроль уменьшается до минимума, чтобы дать отдых практическим функциям сознания.

В процессе воображения, фантазирования у взрослых участвует критический контроль сознания, у ребенка такого контроля нет, поэтому его фантазия более произвольна, неустойчива, наглядна⁹. По аналогии с фантазией ребенка можно рассматривать характер воображения древнего человека, которое также не контролировалось критической рефлексией. Чем меньше человек понимает существо мира, окружающего его, чем менее глубоко он его освоил, тем произвольнее его фантазия, но и тем примитивнее домысливание. Однако надо учесть, что на фантазию человека большое влияние оказывают его потребности. Голодному человеку чаще всего снится вкусная и обильная еда.

Т. Рибо различал два вида воображения: воспроизводящее (память) и воссоздающее (творчество). Причем творчество он понимал как соединение, комбинацию элементов предшествующего опыта¹⁰. Близкую к этому точку зрения высказывал С. Л. Рубинштейн: «Воображение — это не отлет от прошлого опыта, это *преобразование данного* и порождение на этой основе новых образцов, являющихся и продуктами творческой деятельности человека и прообразами для нее»¹¹. Более верную точку зрения высказал русский критик В. Н. Майков: «Творчество есть пересоздание действительности, совершаемое не изменением ее форм, а возведением их в мир человеческих интересов»¹². Опыт воображения тесно связан с освоением мира и осмыслением его в связи с потребностями человека.

Я. Э. Голосовкер называл логику воображения «имагинативной логикой»¹³. Догадки о существовании «логики воображения» высказывал в

⁸ Ницше Ф. Утренняя заря. Свердловск, 1991. С. 236.

⁹ См.: Ферстер Н. П. Творческая фантазия. М., 1924. С. 81—93.

¹⁰ См.: Рибо Т. Логика чувств. СПб., 1906.

¹¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 345.

¹² Майков В. Н. Сочинения. Киев, 1901. Т. 1. С. 38.

¹³ См.: Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 127.

начале XX века Н. А. Васильев¹⁴. И все же такой подход приводит к представлению о произвольности логики воображения, хотя полного произвола фактически не существует. Обусловленность логических связей в мифологическом сознании есть, и необходимо выяснить, *что* лежит в основании выбора того или другого варианта. Действительно, при недостатке опыта воображение может дорисовывать недостающие детали, но откуда они берутся? Существует гипотеза о том, что есть некий информационный «банк данных», содержащий сведения о том, что было и будет. И тот, кто через свое «ночное сознание» осуществил контакт с этим «информационным полем», может предсказывать будущее или творить то, чего еще не было.

Чем больше опыт человека, тем больше его «спонтанное» воображение может предложить вариантов решения проблемы. Как происходит выбор одного из них? Ближе других подошел к решению этого вопроса профессор В. В. Налимов, предлагающий интерпретировать логику воображения (предсознания) как Бейесову. Опираясь на формулу математика Бейеса, он акцентирует внимание на «фильтрах предпочтений», которые влияют на выбор. Однако откуда берутся эти «фильтры» и что они собой представляют, Налимов не объясняет. Недостатком предложенной Налимовым точки зрения является также то, что бейесовская логика не различает добра и зла¹⁵. Для аксиологии этот недостаток имеет принципиальное значение, дающее основание отвергнуть данный подход.

И. Кант высказал чрезвычайно важное замечание: когда человек свободен от внешнего принуждения, он зависит от своих субъективных ценностных установок или от объективных моральных законов¹⁶. Об этом же писал французский мыслитель XVIII века К. А. Гельвеций: «Страсти вводят нас в заблуждение, так как они сосредотачивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне... Страсти не только заставляют нас видеть лишь известные стороны предмета, но они еще и обманывают нас, часто показывая нам эти предметы там, где их нет... Иллюзия — непременно следствие страстей, глубина которых измеряется степенью ослепления, в которое они нас погружают»¹⁷. Нам представляется, что рассматривать логику воображения вне связи с интереса-

¹⁴ См.: Васильев Н. А. Воображаемая логика. М., 1989.

¹⁵ См.: Налимов В. В. Спонтанность сознания. М., 1989. С. 127—128, 251.

¹⁶ См.: Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4 (I). С. 294.

¹⁷ Гельвеций К. А. Соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 1. С. 158.

ми и потребностями человека нельзя. Как справедливо утверждают психологи, «изучение способностей представителей архаичной культуры к объединению единичных предметов в класс показало, что в далеком прошлом среди некоторых этнических общностей господствовали разновидности связей, построенных на значимых (праксеологических) признаках, отличных от связей по существенным признакам. Значимые связи в прошлом играли большую роль и составляли основу человеческой логики и мысленного упорядочивания объектов внешнего мира»¹⁸. Эти логические связи возникли раньше становления понятийного мышления. В мифологическую эпоху сознание человека имело эмоционально-ценностный характер, поэтому весь мир человека был подчинен аксиологическим доминантам — первоначально тотему, символу рода, затем «небу» и «земле», «матери» и «отцу» и другим ценностным символам. Именно поэтому «правополушарную логику» более верно именовать термином «аксиологика», или «логика ценностной обусловленности». Именно такую логику обнаруживал Фрейд в целом ряде явлений, таких как ошибочные действия, оговорки, сновидения, хотя термин «аксиологика» он, конечно, не употреблял.

Аксиологика, в отличие от однозначной непосредственной детерминации рационального типа, имеет неоднозначную обусловленность, опосредованный и часто иррациональный характер, опирается на интуитивные догадки, случайные ассоциативные связи и условные рефлексy, на примитивный эмоционально-практический опыт освоения мира. И все же логика воображения не вполне свободна и спонтанна, «за ее спиной» стоит интерес, пусть не вполне осознаваемый, но субъект ценностно-ориентационного отношения всегда испытывает образы фантазии на возможность удовлетворения с их помощью каких-то человеческих потребностей. Р. Барт верно заметил, что «мифология безусловно находится в *согласии* с миром, но не с таким, каков он есть, а с таким, каким он хочет стать»¹⁹.

Один из главных законов аксиологии — отождествление желаемого с действительным. Можно назвать также и другие: тождество части и целого, изображения и оригинала, имени и носителя, все «свое» позитивно, все «чужое» негативно. Исследователи мифологического сознания обычно не обращают внимания на биологические предпосылки возникновения сознания. Между тем имеются основания полагать, что в отличие от современного состояния психофизиологической структуры го-

¹⁸ Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова и др. М., 1983. С. 271.

¹⁹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 127.

ловного мозга, у которого доминантным является левое полушарие, а субдоминантным (подчиненным, зависимым) — правое, в головном мозгу древнего человека доминантным было правое полушарие в силу неразвитости левого. Именно этим, на наш взгляд, определяются многие странности «пралогического» мышления, о которых писали Леви-Брюль и другие этнографы. Логика правого полушария существенно отличается от рациональной (формальной) логики левого полушария. Эта («правополушарная») логика также целесообразна, но подчинена интуитивно полагаемым целям и смыслам. Главное отличие такой логики от обычной заключается в допустимости противоречий в обосновании выводов, в аксиологической обусловленности, в ориентации на высшие ценности.

После аксиологического контроля, проверки, воображению «дается добро» на продолжение продуцирующей деятельности (разумеется, этот контроль не имеет однозначного характера). Если не знать об этом «контроле», то можно считать воображение свободным, спонтанным, приводящим к случайным находкам. Подобное мышление, которое можно еще назвать «авербальным», так как оно обычно не совпадает с вербально-понятийным оформлением мысли, по нашему мнению, заключается в сопоставлении и соподчинении ценностных представлений, выявлении ценностного потенциала, сравнении со шкалой ценностей, соотношении личностных и общественных (групповых) критериев ценности, в ценностном выборе. Не сознание само по себе и не воля сама по себе определяют тот или иной поступок, писал П. В. Симонов, а способность усилить или ослабить ту или иную из конкурирующих в настоящее время потребностей. Это усиление реализуется через механизм эмоций, который зависит не только от величины потребности, но и от оценки вероятности, возможности ее удовлетворения²⁰. «Желание, — писал Ницше, — *увеличивает* то, чем хотят обладать; само оно растет от неисполнения, — *величайшие идеи* — это те, которые создало наиболее бурное и наиболее продолжительное желание. Мы приписываем вещам тем *больше ценности*, чем больше растет наше стремление к ним...»²¹.

Среди психологических оснований ценностной картины мира важное значение имеет исследованный чешско-американским психологом С. Грофом «опыт рождения», который он подразделяет на четыре «базо-

²⁰ См.: Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981. С. 46—57.

²¹ Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С. 143.

вые перинатальные матрицы»²². Этот опыт представляется одним из существенных источников потребности в иллюзиях²³. Память о гармонии внутриутробного существования, спроецированная в будущее, оказывает серьезное искажающее влияние на восприятие картины мира, на формирующуюся систему ценностей, на аксиологику.

Итак, ценностная картина мира создает такую иерархию в представлениях об освоенном мире, которая позволяет не только правильно ориентироваться в нем, отделяя «зерна» от «плевел», но и сосредотачивать усилия в нужный момент на главном и гибко перестраивать тактику в соответствии с изменением жизненных обстоятельств. При этом мир ценностей одинаково верно служит интересам человека независимо от того, на чем он основывается: на достоверных ли фактах или на «иллюзиях». Ибо, как заметил А. С. Пушкин, некоторые «иллюзии» нередко оказываются гораздо важнее «истины»:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

Обычно понятие «ценность» определяют как значимость какого-либо предмета для удовлетворения потребности. Однако подобное понимание ценности может привести к прагматизму, на этом нельзя останавливаться. Как подчеркивает Г. П. Выжлецов, от значимости нужно переходить к пониманию ценного 1) как должного; 2) как желаемого (ибо если под принуждением, то дело может обернуться злом); 3) как нормы; 4) как цели; 5) как идеала²⁴. Мы полагаем, что между потребностью и ценностью связь опосредуется звеньями: мотивация — интерес — поиск, вопрос.

Предложенная в разделе 1 «Вопрошание о смысле и освоение мира» схема помогает уяснить логику освоения/осмысления мира. Источником активности человека, осваивающего мир, является потребность как состояние организма, испытывающего нужду в чем-либо. Потребность порождает мотивацию, стимулируя активность, входящую в сферу сознания в виде интереса, направленного в какую-то область внешнего мира, в которой субъект потребности ищет средство для ее (потребности)

²² См.: Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследования с помощью ЛСД. М., 1994. С. 99—145.

²³ См.: Пивоев В. М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991. С. 49—56.

²⁴ См.: Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. С. 58.

удовлетворения. Его поисковая активность нередко оформляется в *вопрос*.

М. М. Бахтин определил «смысл» как то, что отвечает на какой-то вопрос. Если нечто ни на какой вопрос не отвечает, значит, это нечто лишено смысла. Освоение мира есть *вопрошание* мира о смысле. В зависимости от потребностей, лежащих в основе процесса осмысления, смыслы можно разделить на два класса: *личные* и *общественные*. Конечно, личный смысл человеку ближе и роднее, он быстрее усваивает то, что связано с его личными потребностями, и труднее — общественные смыслы²⁵. Эти мысли продолжает Ю. М. Лотман²⁶. Цель — это конечная граница осмысления интереса, за которой смысла нет или открывается пространство иных смыслов. «Смысловое пространство многообъемно и в синхронном, и в хронологическом отношении»²⁷. Дело в том, что в каждой знаковой системе исходной точкой является не знак, а отношение знаков. А каждый знак может в семиотическом пространстве вступать в отношения со многими другими, поэтому возникает многомерное пространство семиозиса культуры, или семиосферы (термин Ю. М. Лотмана²⁸). Система смыслов человеческой культуры отражает систему мотиваций (потребностей) человека и различных социальных групп и выражается в системе ценностей как средств удовлетворения этих потребностей, что соответственно обозначается понятием «аксиосфера» (термин Л. Н. Столовича²⁹). Но если представить себе число субъектов (индивидуальных и групповых) потребностей и интересов, обладающих уникальными наборами ценностных ориентаций, то это сравнимо со звездным небом, космическим Хаосом. Однако в действительности аксиосфера есть пространство Логоса, ибо исполнено упорядочивающего смысла.

В свете данного подхода представляется весьма плодотворным предложение С. И. Великовского считать одной из моделирующих единиц культуры «способ полагания смысла». При этом он предлагает различать:

²⁵ См.: Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361.

²⁶ Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417. См. также: Бердяев Н. А. О назначении человека. М., 1993. С. 216.

²⁷ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 267.

²⁸ См.: Лотман Ю. М. О семиосфере // Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 11—24.

²⁹ См.: Столович Л. Н. Об аксиосфере // Философия. Эстетика. Смех. СПб.; Тарту, 1999. С. 86—106.

- способы выработки (производства) смысла;
- положение (статус) в обществе тех, кто занят этим производством (интеллигентов, интеллектуалов);
- источники «сырья» для производства смысла;
- инструменты добывания, обнаружения и распространения смыслов;
- учреждения их хранения³⁰.

Итак, пространство смысла (ценностная картина мира) многомерно, надо научиться видеть мир не в двух-трех измерениях, а представить его в виде совмещения множества ценностно-смысловых полей, каждое из которых обладает своей знаковой системой и иерархией смысло-ценностей. Логика смысла не однозначна или одномерна, она имеет иррациональный характер³¹ и зависит от многих переменных и подчиняется системе доминирующих ценностных ориентаций в картине мира индивида.

³⁰ См.: Великовский С. И. Культура как полагание смысла // Одиссей: Человек в истории: Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. М., 1989. С. 17—20.

³¹ Подробнее см.: Пивовев В. М. Рациональное и иррациональное в методологии гуманитарного знания // М. М. Бахтин и проблемы методологии гуманитарного знания. Петрозаводск, 1999. С. 7—27.

3. ЖИЗНЬ: ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ВОЛЕНИЕ

В. В. Розанов писал: «Двоякого рода может быть жизнь человека: бессознательная и сознательная. Под первую я разумею жизнь, которая управляется *причинами*; под вторую — жизнь, которая управляется *целью*»¹. Эти же мысли высказывал Л. Н. Толстой в романе «Воскресенье»: «В Нехлюдове, как и во всех людях, было два человека. Один — духовный, ищущий себе блага только такого, которое было бы благом и других людей, и другой — животный человек, ищущий блага только себе и для этого блага готовый пожертвовать благом всего мира»². Поэтому можно определить жизнь в двух ее формах следующим образом: 1) *жизнь животная* — форма существования белковых тел, осуществляющих обмен со средой веществом и энергией, детерминированная инстинктивными программами удовлетворения физиологических потребностей существования и размножения; 2) *жизнь человеческая* — форма реализации сознательной, целесообразной воли, подчиненная разумным программам саморазвития и самосовершенствования, культуротворчества и созидания усложняющейся упорядоченности мира в борьбе с энтропией.

В молодости человеку кажется, что жизнь бесконечна, и под это представление он строит свои жизненные планы и цели, полагая успеть и то, и другое, и третье, и четвертое. Но жизнь вносит свои коррективы, выдвигая на первый план одни цели и отодвигая на задний — другие. Выясняется, что некоторые цели достижимы лишь при наличии гораздо больших материальных и временных ресурсов, чем находящиеся в распоряжении человека. Он только начинает реализовывать свои планы, как жизнь «сообщает», что время уже истекло... Научиться правильно и осмысленно планировать свою жизнь — задача чрезвычайной важности. Закономерности построения жизненных планов изучает наука *телеология*, основы которой заложили Аристотель, Кант и Шопенгауэр.

Детерминация. Что такое *жизнь*, которую проживает человек? Слово «жизнь» понимают в широком смысле как существование белковых органических тел, организмов на основе обмена веществами, энергией и информацией со средой. По словам Бергсона, «жизнь выходит за пределы целесообразности, как и всех других наших категорий; по существу

¹ Розанов В. В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 21.

² Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1969. Т. 11. С. 60.

она представляет поток, направляющийся через материю и извлекающий из нее то, что она может дать», «жизнь заключается в том, чтобы стареть»³. Осмысление жизни наиболее адекватно осуществляется через ее переживание и проживание. Жизнь есть деятельности в ответ на вызовы природного мира.

В. Франкл приводил пример упрощенной дефиниции человека: «Человек — это не более чем биохимический механизм, приводимый в движение системой процессов окисления, питающих энергией компьютеры»⁴.

Целями биологического (животного) существования человека являются выживание и продолжение рода. П. Тейяр де Шарден выделял такие важные качества жизни (в широком смысле), как самовоспроизведение, размножение, обновление, спаривание, ассоциация, направленное прибавление, которые накопили достаточную биомассу для возникновения разумной жизни (в узком смысле). Ведущим принципом, определяющим развитие биологической жизни, является *принцип детерминизма*. Жизнь в узком смысле слова, разумная жизнь, сопровождается возникновением факторов свободы и воли, поэтому для жизни человека вторым принципом, не отменяющим, но ограничивающим первый, стал *принцип воления*⁵.

С древности человек пытался расширить во времени горизонты освоения, осмысления мира. В мифологическую эпоху он, стремясь понять, освоить вещи, изучает их происхождение, это приводит к возникновению этиологических мифов. Задумываясь о будущем, он организует магические обряды, чтобы подпитать энергией движение Космоса, гарантировать будущее благополучие своего рода.

Под *причиной* понимают фактор, непосредственно порождающий конкретное явление (следствие) при наличии определенных условий. Среди причин различают внутренние и внешние, главные и неглавные, объективные и субъективные. Кроме причин выделяют условия, которые создают предпосылки для возникновения и проявления причины. Нередко встречаются смешение и неразличение условий и причин. Так, могут утверждать, что причиной загорания электрической лампочки бы-

³ Бергсон А. Собр. соч. СПб., 1913. Т. 1. С. 235; *Он же*. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 1177.

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 46.

⁵ Вводя термин «воление», мы имеем в виду сознательное волевое действия в отличие от понимания воли как такого состояния, где отсутствуют внешние ограничения для деятельности, что нередко путают со свободой, хотя это лишь инстинктивное стремление, а не сознательное действие.

ло нажатие кнопки выключателя, на самом деле причина — прохождение электрического тока через спираль лампочки.

Категория причинности имеет огромное значение в рационалистической философии. Однозначная причинность является одним из важнейших оснований рационализма. Это можно понять из основных законов причинно-следственной связи:

— *закон равенства*: следствие равно причине;

— *закон изоморфизма*: следствие и причина всегда изоморфны друг другу, по крайней мере в одном каком-то отношении;

— *закон однозначности*: какова причина, таково и следствие, одна и та же причина всегда порождает одно и то же следствие⁶.

Можно представить себе восторг Лапласа, обнаружившего фундаментальный принцип детерминизма, дающий поразительно простое объяснение сложным процессам, происходящим в природе: всякое состояние Вселенной есть прямое следствие предыдущего состояния и причина последующего.

Понятия «причинность» и «детерминизм» тесно связаны между собой, но не совпадают по значению. Под «детерминацией» понимают принуждающее и ограничивающее влияние одних факторов на другие, детерминация ограничивает свободу и предопределяет, сужает «коридор», в котором возможен выбор.

Причинность является конкретной формой проявления детерминизма. Другими формами его являются обусловленность, закономерность, обоснованность, вероятность⁷, предрасположенность (К. Поппер). До 1927 года, как утверждает Карл Поппер, все физики, за немногим исключением, считали мир похожим на гигантские механические часы, которые были однажды заведены Господом Богом. Поэтому вся причинность связана с этим «первым толчком». Но в 1927 году под влиянием Вернера Гейзенберга в физике произошел пересмотр этих представлений, были обнаружены принципы «неопределенности» и «объективной взаимозависимости». Согласно первому, точное положение и скорость частицы невозможно установить, погрешность возникает или в определении положения, или в определении скорости. В связи со вторым возникли две концепции вероятности: субъективная и объективная. Субъективная вероятность отражает наше недостаточное знание о мире. Поппер же полагает, что «мы живем в мире предрасположенностей». Он приводит в качестве примера игру в кости: если в костяной кубик ближе

⁶ См.: Иванов В. Г. Причинность и детерминизм. Л., 1974. С. 24—27.

⁷ Там же. С. 140.

к грани с цифрой 6 подложить кусочек свинца, то шансов, что будет выпадать эта цифра, станет меньше. Нечто подобное существует и в мире. В квантовой физике это называется «индетерминированностью», или отсутствием жесткой детерминированности. В связи с этим Поппер говорит, что «будущее открыто: оно объективно открыто. Только прошлое определено; оно актуализировано и, следовательно, оно прошло. Настоящее может быть определено как происходящий процесс актуализации предрасположенностей или — если выражаться более метафорично — как процесс замораживания, кристаллизации предрасположенностей. В то время, когда происходит актуализация предрасположенностей или когда они саморегулируются, в этот момент они представляют собой осуществившийся процесс. Когда же они самоотрегулировались, они уже перестают быть реальным процессом»⁸. Исходя из этого, он считает причинность частным случаем предрасположенности.

По словам В. Г. Иванова, «причинность раскрывает происхождение исследуемых явлений, устанавливает факт связи между порожденным и породившим; детерминизм раскрывает условия такого порождения и определяет меру их устойчивости, а тем самым меру устойчивости и неустойчивости всего процесса»⁹.

Дильтей считал, что в психике нет однозначной причинной связи. Источник нашей веры в причинность, полагал Бергсон, вытекает из нашего опыта. Мы наблюдаем последовательность событий и из нее делаем заключение: если второе событие произошло после первого, значит, оно (это второе) является следствием первого. Для доказательства подобной причинной связи приводят в качестве примера столкновение шаров, один из которых ударяет другой и передает ему импульс энергии, заставляя его катиться в определенном направлении.

Между тем такая правильная и очевидная последовательность встречается довольно редко. Как справедливо указывает Бергсон, в основании причинности могут находиться совершенно разные феномены: «отношения последовательности и отношения сосуществования; точная определенность и случайный выбор; единство, внушенное извне, и динамическое отношение, замеченное внутренним образом; данные наше-

⁸ Поппер К. Мир предрасположенностей. Две новые точки зрения на причинность // Философия и человек: Материалы философского конгресса в Брайтоне. М., 1993. Ч. 2. С. 149.

⁹ Иванов В. Г. Причинность и детерминизм. С. 31.

го опыта или, по крайней мере, некоторых опытов, и ответ на известные основные требования мысли»¹⁰.

Главное же, утверждал Бергсон, что «приобретение нашей веры в закон причинности нераздельно с последовательной согласованностью наших осязательных впечатлений с впечатлениями зрительными»¹¹. Следующим звеном явилась связь зрительного впечатления с двигательными привычками.

Сопоставляя внешние события с нашей деятельностью, мы по закону аналогии рассуждаем так: «С одной стороны, причина предшествует действию, а с другой стороны, будучи действующей силой и, следовательно, тем самым присутствуя при производимом ею действии, она одновременно с ним»¹². Отсюда формируются привычка к абсолютизации *необходимых* связей и недооценка свободы. Подставляя эту привычную логику в осмысление внешних событий, мы получаем представление о причинности. «Так переходят по незаметным ступеням от необходимости, *переживаемой* телом, к необходимости, *мыслимой* умом»¹³.

К. Г. Юнг, пытаясь исследовать принципиальное различие между практическим и духовным освоением мира, вводил противопоставление «каузальности» (причинности) и «синхронности»: «Синхронность — это концепция, которая выражает точку зрения, прямо противоположную каузальности. Поскольку последняя есть только статистическая истина, а не абсолют, то она представляет собой работающую гипотезу о том, что события развиваются одно из другого, в то время как синхронность берет совпадение событий в пространстве и времени как значащее нечто большее, чем только случайность, а именно особую форму внутренней зависимости объективных событий как друг с другом, так и с субъективными (психическими) состояниями наблюдателя или наблюдателей»¹⁴. Отсюда следует предположение: «Синхронность и причинность могут быть поняты как различные функции сознания, а именно

¹⁰ Бергсон А. Заметка о психологическом происхождении нашей веры в закон причинности // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск, 1999. С. 1094.

¹¹ Там же. С. 1095.

¹² Там же. С. 1098.

¹³ Там же. С. 1100.

¹⁴ Jung C. G. Psychology and religion: west and east // Collected works: Vol. 1—12. N. Y., 1958. Vol. 11. P. 392.

причинность относится к ощущению и мышлению, а синхронность — к интуиции и чувству»¹⁵.

Вот какую матрицу различения причинности и синхронности предлагает Фрей-Верлин¹⁶.

<i>Причинность</i>	<i>Синхронность</i>
Постоянная связь между причиной и следствием	Уникальная связь через общую значимость
Общее (объективное)	Индивидуальное (субъективное)
Мышление, объяснение	Чувство, понимание
Познание	Опыт
«Чистое знание», факты	Возможное (случайное), аффекты
Вторичные процессы	Основные процессы
Знание	Вера
Логос	Миф

Идея «синхронности», возникшая, очевидно, под влиянием споров о теории относительности (проблема одновременности), необыкновенно интересна и плодотворна, но не исчерпывает проблемы антикаузальности. Здесь важную роль играет субъективная мотивация. Индусский закон кармы (причинности), определяющий судьбы человека, складывается из учета:

- 1) мыслей человека, ибо каковы мысли, таков и сам человек;
- 2) желаний и воли, являющихся двумя полюсами одной силы, соединяющей человека с предметом его потребности и влекущей его туда, где он (этот предмет) может быть найден;
- 3) поступков человека, которые, принося людям добро и зло, возвращаются к нему.

Конечно, закон кармы не имеет жестко заданный характер, где исключается свобода воли, как у европейских мыслителей. Здесь имеется возможность улучшить или ухудшить свою карму, причем карма улучшается путем совершения добрых поступков или через страдание.

Особый род индетерминизма — ситуация абсурда, когда нарушается рациональная логика и мир начинает вести себя по логике абсурда. «Си-

¹⁵ Jung C. G. The spirit of psychology // Spirit and nature. Papers from the Eranos Yearbooks. N. Y., 1954. P. 45.

¹⁶ См.: Рациональное и иррациональное в современном буржуазном сознании. М., 1978. С. 159—160.

туация абсурда неопишима, ее можно лишь передать гротеском, смехом. Язык добра и зла, мужества и трусости к ней не относится, поскольку она вообще не в области, очерченной актами первовместимости»¹⁷. Абсурд — это отсутствие смысла. Но смысл может отсутствовать по многим причинам. У Кафки описывается ситуация обесмысленности индивидуального существования. Человек не может обрести смысла ни своего существования, ни всего мира. Такое переживание абсурдности толкает к мифотворчеству.

Относительно роли причинности в жизни человека можно привести слова Бхагавана Шри Раджниша: «...Имеющее причину не может быть вечным, имеющее причину неизбежно временно. Когда исчезнет причина, исчезнет и оно; оно — следствие. Необусловленное, беспричинное пребудет вечно: нет ничего, что может его разрушить»¹⁸.

В рамках детерминистского сознания случайность есть лишь результат неполноты нашего знания. Только в XX веке физика была вынуждена признать за случайностью онтологический статус. «Случай — в своем данном, конкретном (единичном) проявлении — не может быть задан алгоритмически. Можно оценивать только возможность той или иной его реализации. Мы говорим, что случайная величина задана, если задана функция распределения вероятности или плотности вероятности (для непрерывно изменяющейся величины). Случайная величина описывается в поведенческих, а не в причинно-следственных терминах. И если само понятие *рациональности* связывать с возможностью детерминистического, безусловно объективного описания явлений, то тогда *случайность* надо рассматривать как явление *иррациональное*»¹⁹. У В. В. Налимова вероятность — это «мера, задаваемая системой аксиом ее исчисления», или «мера размытости наших суждений или представлений о происходящем». По определению А. Н. Колмогорова, вероятность — это такое описание случайности, которая может рассматриваться как максимальная сложность²⁰.

Воление. Как верно заметил психолог В. Франкл, «человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним»²¹. Действительно, воление не может отменить условия и детерми-

¹⁷ Мамардашвили М. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 113.

¹⁸ Раджниш Б. Ш. Дао: путь без пути. М., 1994. Т. 1. С. 102.

¹⁹ Цит. по: Налимов В. В. В поисках иных смыслов. М., 1993. С. 87.

²⁰ Там же. С. 108.

²¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 77.

нанты, определяющие существование человека, за немногими исключениями. Некоторые условия он все же может изменять. Так, он научился пользоваться огнем, орудиями труда, приручил животных, научился строить и обогревать жилье, шить одежду — все это для того, чтобы облегчить и благоустроить свою жизнь, смягчить неблагоприятное воздействие условий внешней среды.

Воление осуществляет выбор (в нешироких пределах) — какой из детерминант проявиться, что позволяет человеку планировать и в некоторой степени предвидеть результаты. Не всегда такой выбор оказывается удачным, но все же принципиальная возможность реализации воли существует. «Всякое воление есть стремление к такой цели, достижение которой удовлетворяет волю. Бессознательно-целеустремленная естественная воля возвышается в человеке в сознательную, целеустанавливающую разумную волю: желанная цель и осуществляющая ее деятельность предвосхищаются»²². Антоний Великий писал, что в человеке действуют три воли: «первая — Божия, всесовершенная, всеспасительная; вторая — собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и третья — бесовская, вполне пагубная»²³.

В основе размышлений Шопенгауэра лежат три категории: *воля*, *жизнь* и *тело*, а его учение можно, как полагает С. Ф. Одуев, назвать «телеологической метафизикой» и выделить в ней четыре раздела:

- телеология познания (мир как представление);
- телеология природы (мир как воля);
- телеология морали (мир как воля к жизни);
- телеология искусства (мир как эстетическое созерцание)²⁴.

Шопенгауэр понимает под волей следующее: «И когда мы направляем на них испытующий взор, когда мы видим мощное, неудержимое стремление вод к глубине, постоянство, с которым магнит неудержимо обращается к северу, страстное желание, с которым устремляется к нему железо... когда видим, как быстро и внезапно формируется кристалл... когда, наконец, мы непосредственно чувствуем, как тяжесть, стремлению которой к земле препятствует наше тело, непрерывно давит и теснит его, следуя своему единственному стремлению, — нам не потребуется сильно напрягать свое воображение, чтобы даже на таком отдалении узнать нашу собственную сущность, то именно, что в нас преследует свои цели при свете познания, здесь же, в самых слабых

²² Паульсен Ф. Этика // Философия в систематическом изложении. СПб., 1909. С. 299.

²³ Цит. по: Преподобный Серафим Саровский. М., 1993. С. 169.

²⁴ См.: Одуев С. Ф. Метаморфозы иррационализма. М., 1997. Вып. 1—2. С. 92.

своих проявлениях, стремится к своим целям слепо, глухо, односторонне и неизменно; однако поскольку оно всюду одно и то же, — то, подобно тому как первое мерцание утренней зари делит с лучами полудня название солнечного света, это стремление должно и здесь, как и там, называться *волей*, обозначающей то, что есть бытие в себе каждой вещи в мире и единое зерно каждого явления»²⁵.

Воля объективируется в трех формах, ступенях:

— нижняя ступень: всеобщие силы природы, такие как тяжесть, непроницаемость, твердость, текучесть, упругость, электричество, магнетизм, химические свойства;

— вторая ступень: слепое влечение к бытию без замысла и цели у растений;

— третья ступень: инстинктивное и элементарно-рассудочное целеполагание в непосредственной форме у животных;

— высшая ступень: у человека с его разумной формой целеполагания возникают представление как субъективное отражение воли и разум как дитя воли, как рефлексивное зеркало, в котором воля сознает себя.

Энергия мировой воли рассматривается Шопенгауэром как источник исторической эволюции. Идею о мире как «представлении» он взял у Беркли, заявив, что за одну только эту идею тот заслуживает памятника, все же остальное не представляет интереса. Действительно, картина мира обусловлена именно тем, что воспринимают органы чувств. Кроме того, наш опыт навязывает нам систему предубеждений и ожиданий, которая фильтрует поступающую информацию, поэтому мы нередко видим и слышим то, что *хотим* и *можем* увидеть и услышать, не замечая нежелательной информации. Отсюда очевидна гениальность идеи о «мировой воле», которая энергетически обеспечивает жизнь, наделяет ее организующими целями и смыслом. Пусть эта воля часто выглядит как «слепой бессознательный порыв», она — «самое глубокое, ядро всего единичного, а также целого; она проявляется в каждой слепо действующей силе природы; она же проявляется и в продуманных действиях человека; большое различие между тем и другим заключается лишь в степени проявления и не касается сущности проявляющегося»²⁶. Однако «воля к жизни как таковой» — бесцельна, мир как воля есть «вечное

²⁵ Шопенгауэр А. О четверяком корне... Мир как воля и представление. М., 1992. Т. 1. С. 244—245.

²⁶ Там же. С. 238.

становление, бесконечный поток», где невозможно счастье, но торжествуют зло, обман и бессмыслица²⁷.

Великолепную характеристику философии Шопенгауэра дал А. Ф. Лосев: «Шопенгауэр исходит из неумолимого и неисправимого хаоса жизни и потому считает, что всем бытием руководит мировая бессознательная воля, ничем не преодолимая и к тому же злая. Однако существует и объективация этой воли. *Первой* такой объективацией является мир идей, на который знатоки и любители Шопенгауэра, к сожалению, обращают гораздо меньше внимания, поскольку у самого Шопенгауэра бессознательная воля, лежащая в основе мира, безусловно, изображена более ярко, чем этот мир идей, который является царством чистого интеллекта. *Другая* объективация мировой воли — это мир материи и все составляющие его материальные вещи. Он тоже полон хаоса и бессмыслицы, бесконечных страданий и катастроф; и в нем самое большее, чего можно достигнуть, — это лишь скука. Самоубийство не есть выход из этого мира бессознательной и злой воли, а, наоборот, только еще большее самоутверждение этой воли. Подлинный же выход за пределы мировой воли — это полное от нее отречение, полное отсутствие всякого действия и погружение только в один интеллект, созерцающий эту волю, но не участвующий в ней, то есть то, что Шопенгауэр называет *представлением*. Отсюда и название его главного произведения — “Мир как воля и представление”. Сама мировая воля ввиду своей бессмыслицы и безобразия не есть что-либо прекрасное и потому не может быть предметом искусства. Но погруженный в себя интеллект, будь то мировой интеллект или человеческий, созерцает эту мировую волю с полной независимостью от нее. И тогда она является музыкой, которая с точки зрения созерцающего интеллекта тем самым представляется основой мира, природы, общества и отдельного человека. Таким образом, музыка, как и вся мировая воля, есть чистая иррациональность. Но когда эту мировую волю созерцает интеллект, отрешенный от самой мировой воли, он испытывает эстетическое наслаждение. В эстетическом наслаждении, получаемом от музыки, человек, таким образом, обретает единственное жизненное утешение и спасение»²⁸.

Шопенгауэр уподоблял волю сильному, но слепому человеку, который из-за своего недуга не может свободно и разумно распорядится сво-

²⁷ См.: Чанышев А. А. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 1. С. 12.

²⁸ Лосев А. Ф. Исторический смысл эстетического мировоззрения Р. Вагнера // Вагнер Р. Избранные работы. М., 1978. С. 36.

ей силой, ибо не способен ориентироваться в мире. Воля слепа. И тогда этот слепец зовет на помощь безногого, но зрячего человека, которого сажает себе на плечи. Этот безногий есть воплощение интеллекта, который обладает зрением, но не имеет достаточной силы. Лишь вместе воля и интеллект могут добиться разумного результата.

Э. Фромм предлагал различать волю «рациональную» и «иррациональную». «Под рациональной волей, — писал он, — я понимаю энергичные усилия, направленные на достижение некоторой рациональной цели. Такое целеустремленное поведение требует реализма, дисциплины, внимательности и умения не отдаваться на волю минутных порывов. С другой стороны, иррациональная воля — это побуждение, в основе которого лежит иррациональная по своей природе страсть. Действие иррациональной воли можно уподобить разливу реки, прорвавшей плотину. Она заключает в себе огромную силу, но человек — не хозяин ее: он ею захвачен, является ее рабом. У Гитлера была сильная воля, если понимать под этим волю иррациональную. Но его рациональная воля была слаба»²⁹.

Важное уточнение в понятие «воли» внес Фридрих Ницше: «“Воля” не значит желать, стремиться, жаждать: от них воля отличается *аффектом команды*»³⁰. Он подчеркивал также, что воля есть *направленность к чему-нибудь*, к определенной *цели*; далее, она характеризует повелевание и «состояние напряжения». Воля — это способность самомотивации, подчинения себя, самоорганизации и концентрирования энергии для целенаправленной деятельности. С этим связано важное отличие человека от животного. Животное способно на энергичные действия лишь при непосредственном наличии предмета, на который направлено его внимание. При его отсутствии в поле зрения животное о нем забывает. Человек же способен на основе памяти и воления продолжать свою активную деятельность, предвидя и планируя достижение цели, хотя бы она была только в его воображении.

Японский учитель кэндо XVI—XVII веков Миямото Мусаси настаивал самураев, как владеть собой, мобилизуя свою волю: «В бою состояние твоего духа не должно отличаться от повседневного. И в схватке и в обыденной жизни ты должен быть целеустремлен, но спокоен. Встречай ситуацию без напряжения, однако не беспечно, с духом уравновешенным, но не предубежденным. Даже когда дух твой спокоен, не позволяй телу расслабляться, а когда тело расслаблено, не позволяй духу распу-

²⁹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 368.

³⁰ Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994. С. 312.

скаться. Не допускай, чтобы тело влияло на дух, и не давай духу влиять на тело. Не будь ни недостаточно вдохновленным, ни вдохновленным сверх меры. Поднявшийся дух слаб, и опустившийся дух слаб. Не позволяй противнику проникнуть в твое состояние». Полное подчинение себя своей воле он называл «пустотой»: «Под “пустотой” я понимаю то, что не имеет начала и конца. Постигание этого принципа означает его непостижимость. Путь Стратегии — это Путь Природы. Когда ты почувствуешь силу природы, ощущая ритм каждой ситуации, ты будешь способен наносить удары и атаковать противника естественно»³¹.

К волевым качествам личности относят инициативность, самостоятельность, независимость, сознательную мотивированность, обоснованность, решительность, настойчивость, самоконтроль, выдержку и самообладание³².

Таким образом, жизнь человеческая есть целесообразная, волевая организация жизнеповедения в интересах целей жизни в ответ на вызовы природного мира.

³¹ Режим доступа: <http://lib.ru/D0/m6m.txt>.

³² См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 204—207.

4. ТЕЛЕОЛОГИЯ КАК НАУКА О ПОЛАГАНИИ СМЫСЛА

Предпосылки формирования идей целесообразности можно обнаружить в мифологии, где возникает идея *судьбы*, ведущей человека по предназначенному ему по жребию пути. По греческой мифологии, у богинь судьбы мойр был один глаз на троих, что обеспечивало их большую беспристрастность. Согласно этой мифологии, судьба слепа, она выбирает случайный жребий для человека, который заранее предсказать невозможно. Следует лишь его принять и следовать ему, ибо, по словам Клеанфа, судьба ведет покорного и тащит сопротивляющегося.

Телеология. Отцом телеологии в некоторой степени можно считать Аристотеля. В то же время еще у Платона в его «эйдосе-идее» поставлены проблемы смысла: «Лишь с огромным трудом, путем взаимной проверки — имени определением, видимых образов — ощущениями, да к тому же, если это совершается в форме доброжелательного исследования, с помощью беззлобных вопросов и ответов, может просиять разум и родиться понимание каждого предмета в той степени, в какой это доступно для человека»¹. Платон полагал, что к миру идей можно приблизиться лишь в диалоге, задавая вопрос и получая ответ.

Заслугой же Аристотеля является то, что он сумел объединить в своем объяснении мира принцип формы и принцип причины. По словам Э. Кассирера, «настоящая цельность существует лишь там, где всеми частями управляет одна-единственная цель, которую все они стремятся осуществить»². Аристотель выделял четыре вида причин: формальную, материальную, действующую и финальную. Поскольку слово «причина» у него трактуется достаточно широко, в смысле условия и основания, это дает ему право включать в число «причин» форму и материал вещи. Под действующей причиной он понимал динамическое основание, источник, следствием чего произошло становление вещи, а финальная причина — это цель, для достижения которой это становление произошло. Представление о финальной причине есть понятие *цели*, которая оказывает определяющее воздействие на деятельность.

В отличие от человека, животное проявляет активность лишь в ситуации восприятия того объекта, который необходим для удовлетворения потребности. Если же этот объект недоступен или находится вне

¹ Платон. Письма // Соч.: В 3 т. М., 1972. Т. 3 (2). С. 545—546.

² Кассирер Э. Избранные работы. Опыт о человеке. М., 1998. С. 97.

сферы восприятия, то животное не проявляет активности. Человек же на основе памяти осуществляет опережающее отражение (П. Анохин), планирует свою деятельность, направляет ее на воображаемую цель, предвидя результаты и последствия своих действий.

Одна из важнейших идей Августина, обсуждавшихся схоластической философией, — идея о предвечном предопределении человека либо к аду, либо к раю. Логика Августина достаточно проста: грех Адама перешел ко всем людям как «первородный», поэтому абсолютному большинству людей изначально приуготовлено место в аду, но некоторых Бог от рождения предопределяет к спасению. Все зависит от того, чьим потомком человек является. Если он родился в роду Сары, законной жены Авраама, то его путь — в рай и мир Божий, небесный Иерусалим. Если же он является потомком Агари, наложницы Авраама, то его предопределение — грех и ад. При этом не имеют значения ни грехи, ни заслуги человека. Это отрицание «свободы воли» породило многовековые споры.

Томас Гоббс полагал, что главная задача философии заключается в познании следствий или феноменов на основе их причин или принципов. Свой вклад в развитие телеологии внесли также Готфрид Лейбниц своим учением о предустановленной гармонии в «Основах теодицеи» и его популяризатор Х. Вольф.

Кант также может считаться еще одним основоположником телеологии, науки о целях и смыслах. Целесообразность имеет детерминационный смысл, только детерминанта вынесена в будущее, а не выявляется в прошлом, поэтому имеет потенциальный характер, то есть способна стать актуальным стимулом деятельности в будущем. В этом специфичность телеологической детерминации.

Целесообразность, по Канту, может иметь следующие смыслы: 1) «финализм» божественного устройства мира, где все подчинено конечному замыслу творца; 2) целесообразность живого организма, где каждый орган имеет функции, связанные с другими, и все они необходимо подчинены общей задаче; 3) аналогичную целесообразность Кант находил в искусстве, произведения которого схожи с живыми организмами по характеру целесообразности, где произведение подчинено единой задаче, и если в первом акте трагедии на сцене висит ружье, то не позже заключительного акта оно должно выстрелить.

В искусстве, по Канту, действует «субъективная целесообразность», проявляющаяся в «чувстве удовольствия и неудовольствия». Реализация субъективной цели доставляет человеку удовольствие ради нее са-

мой. Иначе говоря, Кант утверждал незаинтересованный характер эстетического. Искусство — бесполезно, то есть не обеспечивает прямой выгоды и пользы. Человек творит в искусстве, получая удовольствие от «свободной игры» познавательных способностей — воображения и рассудка, откуда проистекает «субъективная всеобщность» эстетического³. Кроме искусства, Кант считал также целесообразно устроенными государство и нацию.

Значительное внимание телеологии уделял Артур Шопенгауэр, полагавший, что мировая воля целесообразна, хотя в природе эта воля слепа и не осознает своих целей. Сознательной эта воля становится лишь у человека.

Немецкий мистик Мейстер Экхарт утверждал: кто вожделеет высокого, тот высок⁴. Ницше, продолжая эту мысль, уточнял: «Кто стремится к величию, у того есть основания увенчивать свой путь и довольствоваться количеством. Люди качества стремятся к малому»⁵. Качество — это глубина.

Все мы в детстве полагаем, что «родились не “даром”, что мы призваны осуществить в мире что-то великое и решающее и тем самым существовать и самих себя, дать творческий исход дремлющим в нас, скрытым от постороннего взора, но настойчиво требующим своего обнаружения духовным силам, образующим как бы истинное существо нашего “я”»⁶.

Способность осмысления себя и своей деятельности, опережающего отражения и прогнозирования, целевого планирования формируется в процессе социализации на основе биологического инстинкта самосохранения и любви к жизни, биофильского инстинкта Эроса, который заставляет человека жить; и человек, обладая сознанием, большую часть своей деятельности осуществляет планомерно и целенаправленно, стремясь к достижению намеченных целей и запланированных результатов.

Целесообразность. Обычно цель рассматривают как предвосхищение, представление будущего результата. Поэтому целесообразность противопоставляют каузальности (причинности) в том плане, что цель характеризуют как финальный фактор или конечную причину в отличие от обычной предшествующей причины.

³ См.: Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 81.

⁴ См.: Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991. С. 178.

⁵ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 726.

⁶ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 148.

В. П. Тугаринов предлагал отличать «целесообразность» от «целенаправленности» и «целеполагания». Он считал, что целесообразность присуща живой природе, которая действует сообразно инстинктивным программам выживания, размножения и взаимообмена со средой, тогда как человеку более свойственны осознанное «целеполагание» и «целенаправленность»⁷.

Стоик Клеанф говорил: «Судьба ведет покорного и тащит непослушного». «Судьба, в мифологии, в иррационалистических философских системах, а также в обывательском сознании неразумная и непостижимая предопределенность событий и поступков человека»⁸. Здесь мы выходим к проблемам свободы и свободы воли, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

В теории целеобразования (телеологии) различают «фатализм» и «волюнтаризм» как противоположные теоретические представления о влиянии конечных целей на процессы принятия решений и деятельности.

Фатализм — теория, полагающая каждое событие или поступок человека жестко детерминированным или судьбой, или Богом, или однозначной причинной связью. Напротив, *волюнтаризм* рассматривает волю в качестве высшего и произвольного принципа, определяющего спонтанные поступки и деятельность человека.

Основы целеобразования О. К. Тихомиров сводит к трем положениям: а) наличие целенаправленности отличает деятельность человека от природных процессов, которые лишь целесообразны, но не целенаправленны; б) сами цели имеют внешнюю обусловленность, познавая эти условия, человек может использовать их для достижения целей; в) цели и результаты человеческой деятельности полностью не совпадают⁹.

Э. Агацци замечает, что нужно различать простую целенаправленность и ценностно-ориентированное поведение и деятельность. Человек выставляет в виде цели идеальный образец, по мере движения к которому он проверяет, в какой мере ему удастся соответствовать этому идеальному образцу. По окончании работы он оценивает и свои результаты на степень соответствия этому идеалу-образцу. Он испытывает удовлетворенность или неудовлетворенность от своей деятельности в

⁷ См.: Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1971. С. 29.

⁸ Аверинцев С. С. Судьба // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1976. Т. 25. С. 55.

⁹ См.: Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984. С. 107.

зависимости от совпадения или несовпадения результатов с целью-образцом¹⁰.

Представление о легкости и обеспеченности достижения целей жизни служит основой для *оптимизма* как уверенности в правильной и успешной жизненной стратегии. Противоположная ценностная ориентация, связанная с отсутствием уверенности в успехе, вносящая сомнения в правильности выбранного пути и способов деятельности, определяется как *пессимизм*. Автором этого термина считается А. Шопенгауэр. По его мнению, оптимизм представляется не только абсурдом, но и горькой насмешкой над невыразимыми страданиями человечества¹¹. В результате осмысления практического опыта возник иронически сформулированный закон, предостерегающий от легкомысленного оптимизма: не все так просто, как вам кажется, все требует больше времени, чем вы думаете, и если что-нибудь может идти наихудшим образом, то так и будет, причем в самый неподходящий момент. Иначе этот закон называется «законом бутерброда», который имеет обыкновение падать на пол маслом вниз.

Страх — это зонтик, который прикрывает человека от тех опасностей, к которым он плохо подготовлен. Но необходимо различать по характеру переживания страх перед неизвестной опасностью, страх утратить нечто ценное, страх перед болевым ощущением и страх перед небытием. Если первый страх уменьшается по мере освоения обстоятельств и форм проявления опасности и повышения нашей готовности к ней, то против второго страха эффективным средством являются меры по охране объекта, вызывающего это чувство. Страх перед болевым ощущением может преодолеваться, хотя и не полностью, предварительным настраиванием, привыканием, терпением. Страх перед небытием преодолевается с помощью мифологии.

Общество заинтересовано в оптимизированной картине мира, ибо пессимизм, неверие в успешность деятельности подрывают эффективность любых усилий по достижению поставленных целей. Известная притча о двух лягушках, упавших в горшок сметаны, это хорошо иллюстрирует. Вот почему миф, обладающий способностью внушать надежду на успешность деятельности и на позитивные жизненные перспективы, играет столь важную роль в культуре.

¹⁰ См.: Агацци Э. Человек как предмет философского познания // О человеческом в человеке. М., 1991. С. 66—67.

¹¹ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 2. С. 575.

Одна из ближайших целей человека — добывать себе средства к жизни. Иначе говоря, в виде его целей выступают блага и ценности, которые необходимы ему в качестве средств удовлетворения его потребностей.

Планирование деятельности. Слово «план» имеет несколько значений. Нас интересует план как «заранее намеченная система мероприятий, предусматривающая порядок, последовательность и сроки выполнения работ»¹². В основе планирования лежит представление о цели как потребном будущем, но существо планирования заключается не столько в целеполагании, сколько в осмыслении путей и способов достижения цели, которые для удобства контроля подразделяют на этапы. Поэтапность целесообразна также по психологическим мотивам, так как обеспечивает большую удовлетворенность деятельностью, ибо если конечный результат находится вне пределов оперативной досягаемости, то переживание удовлетворения от достижения цели ослабляется.

Планирование на отдаленную перспективу вплоть до конечных целей деятельности называется стратегическим, и *стратегией* называется доминирующая перспективная программа, которая оказывает влияние на промежуточные этапы деятельности. Соответственно промежуточные этапы и средства их достижения называются тактическими, а характер воздействия этих промежуточных целей на деятельность называется *тактикой*. Тактика обычно более гибка по характеру, чем стратегия, ибо зависит от кратковременных изменений условий деятельности. Долговременные изменения условий могут повлечь за собой изменения стратегии. Управление деятельностью может в связи с этим иметь два аспекта, два смысла: технологический и аксиологический (телеологический). Технологическое управление направлено на ближайшие тактические задачи. Аксиологическое — обращает внимание и формирует стратегические цели, для него тактика — дело второстепенное.

Если необходимо воспитать исполнителей, то их обучают «тактике», работе с конкретными, эмпирическими фактами, если же нужны руководители творческие и инициативные — развивают их теоретическое мышление, умение видеть отдаленные цели и смысл деятельности, обучают «стратегии». Проблема целесообразности ставит вопрос о Божественном промысле, который организовал целесообразность мира и деятельности человека. Поэтому, когда мы размышляем о произвольной целесообразной деятельности человека, мы должны принять во внимание,

¹² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 477.

что «за спиной» произвольной деятельности человека лежат аксиологическая обусловленность и... Господь Бог.

Любое планирование деятельности следует начинать с уяснения идентичности, то есть с уяснения возможностей ресурсных, технологических, энергетических, духовно-интеллектуальных и т. п. Не случайно подросток 14 лет, готовясь к построению жизненных планов, старается определить свой потенциал и совершает поиск внешних, объективных оценок с целью выстраивания представлений о себе. Правда, при этом отвергает негативные оценки, ищет только положительные. Затем, при планировании какой-либо деятельности, следует выделять, на мой взгляд, следующие компоненты и этапы:

1. *Смысл* деятельности, который заключается в удовлетворении идеальных, духовных потребностей и оптимизации функционирования общества, в создании оптимальных условий для свободного саморазвития и самореализации каждого человека и каждой группы людей в интересах общего блага. При этом важно определить объект деятельности и предмет (угол зрения на объект). Выбранный смысл является стратегией и содержанием деятельности.

2. *Цели* деятельности (тактика): поэтапная реализация конкретных задач, направленных на воплощение смысловой, стратегической программы самореализации каждого человека и всех социальных групп на основе изучения ресурсов, образования и развития феноменов и т. п.

3. *Принципы* деятельности: историзм, полицентризм, многомерность, единство традиций и обновления, взаимосвязь интеграции и дифференциации, ценностная толерантность, диалогичность, легитимность, гуманность.

4. *Направления* деятельности: выбираются в зависимости от объекта и предмета деятельности и должны обеспечить всестороннее воздействие на него или, по крайней мере, затронуть важнейшие стороны объекта.

5. *Задачи* деятельности: конкретные проблемы и вопросы, которые нужно решить, чтобы в конце деятельности получить ожидаемые результаты и реализацию стратегического смысла деятельности в соответствующих направлениях, предоставляющих возможность каждому человеку и различным группам для самореализации и самоутверждения в свете их представлений о ценностях.

Согласно И. Г. Фихте, человек стремится к совершенству, и «назначение человека состоит в том, чтобы достигнуть этой цели. Но он может и должен все более и более приближаться к этой цели; и поэтому при-

ближение до бесконечности к этой цели — его истинное назначение как человека, то есть как разумного, но конечного, как чувственного, но свободного существа. Если полное согласие с самим собой называют совершенством в высшем значении слова, как его, во всяком случае, можно называть, то совершенство — высшая недостижимая цель человека; усовершенствование до бесконечности есть его назначение»¹³.

¹³ Фихте И. О назначении ученого. М., 1975. С. 59—67.

5. СМЫСЛ ЖИЗНИ

Роман Франца Кафки «Процесс» создает мифологизированную модель жизненной ситуации, своеобразную игру в жизнь. Герой просыпается утром в своей комнате, услышав, что кто-то ходит по комнате, роется в его белье. «Кто вы такие, что вам надо?» — «Вы арестованы», — отвечают ему люди в штатском. «А в чем меня обвиняют?» — «Вам лучше знать». Ответ его не удовлетворяет, но герой предпочитает воздерживаться от расспросов. Впрочем, выясняется, что на работу ходить можно, только он замечает, что за ним следят, люди в штатском собирают на него досье. Причем этим занимаются не какие-то спецслужбы, а обычные люди в свободное от работы время. Поняв это, он однажды устраивает скандал в здании суда: «Что это вы занимаетесь какими-то дурацкими играми?!» Но однажды состоялся судебный процесс по его делу, и был вынесен смертный приговор, который он не принял всерьез. Тем не менее спустя несколько дней утром за ним зашли двое в штатском и увели его за город в карьер, где и зарезали кухонным ножом. И в последнюю минуту своей жизни, глядя на окно крайнего дома и поняв, что все серьезно и сейчас его жизнь окончится, он задал себе вопрос: «А ради чего я жил?»

Из-за этого вопроса и написан роман. Автор нам как бы говорит: «Вы все под следствием. Какая-то сила, то ли Господь Бог, то ли совесть, то ли еще кто-то, ведет на вас досье, записывая все поступки, и однажды будет вынесен приговор, все один и тот же. А пока приговор не вынесен, пока не поздно, задумайтесь — ради чего вы живете?»

Основной вопрос философии. Вопрос о смысле жизни относится к числу вечных философских вопросов, который еще до рождения Христа был поставлен в книге Екклесиаста: «все суета сует и томление духа», — какой смысл имеет эта суета, если нет Бога? Эти вопросы мучают и поэта:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
И зачем судьбою тайной
Ты на казнь обречена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал?
Сердце мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною...
Пусто сердце, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум...
А. С. Пушкин

Согласно Хайдеггеру, «метафизика — это вопрошание сверх сущего, за его пределы, так, что мы получаем сущее обратно для понимания как таковое и в целом»¹. Достоевский устами великого инквизитора говорил: «...Тайна бытия человеческого не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорее истребит себя, чем останется жить на земле»². Аналогичный подход у М. М. Бахтина, утверждавшего: «смыслами я называю о т в е т ы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла... представляется нам бессмысленным, изъятым из диалога»³. Вопросы обусловлены нашими интересами и потребностями, а не праздным любопытством. То, что понимают обычно под «праздным любопытством», есть на самом деле ориентировочная, поисковая активность живого организма, обусловленная базисными потребностями выживания и развития в физическом и духовном планах. Смысл — это то значение, которое человек придает осваиваемому предмету, обнаружив или предположив способность удовлетворять с помощью этого предмета какие-то из своих (или общественных) потребностей. Отсюда очевидно, что смысл может быть действительным или мнимым. Действительность смысла проверяется через практику. Значимость предмета для удовлетворения индивидуальных потребностей называют личностным смыслом. Он имеет субъективный характер.

Но смысл вещи может быть обнаружен социальной общностью, и тогда субъект-индивид, усваивая данный смысл, относится к нему как к объективному смыслу, включает в свою систему ценностных смыслов.

Римский философ Сенека писал: «...Мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть. <...> Зима приносит стужу — приходится мерзнуть; лето возвращает тепло — приходится страдать от жары; неустойчивость погоды грозит здоровью — приходится хворать.

¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 41.

² Достоевский Ф. М. Соч.: В 30 т. М., 1976. Т. 14. С. 232.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350.

Где-нибудь встретится нам зверь, где-нибудь — человек, опасней любого зверя. Одно отнимет вода, другое — огонь. Изменить такой порядок вещей мы не в силах, — зато в силах обрести величие духа, достойное мужа добра, и стойко переносить все превратности случая, не споря с природой. <...> Лучше всего перетерпеть то, чего не можешь исправить, и, не ропща, сопутствовать богу, по чьей воле все происходит. <...> Пусть рок найдет нас готовыми и не ведающими лени! Таков великий дух, вручивший себя богу. И, наоборот, ничтожен и лишен благородства тот, кто упирается, кто плохо думает о порядке вещей в мире и хотел бы лучше исправить богов, чем себя»⁴.

Слово «смысл» у Е. Н. Трубецкого обозначало нечто, обладающее всеобщим и безусловным значением, а не только личным, индивидуальным или субъективным. Вопрос о смысле жизни для него имел аксиологический характер: «*Стоит ли жить*, обладает ли жизнь положительной *ценностью*, притом ценностью *всеобщей и безусловной*, ценностью, обязательной для каждого»⁵. Он требовал различать «смысл-истину» и «смысл-цель». Отсутствие «смысла-цели» в жизни человека делает ее бессмысленной, пустой, она соотносима с «порочным кругом», с деятельностью, не достигающей никакого результата. Классические символы подобной деятельности можно обнаружить в греческой мифологии — это царь Иксион, вращающийся в огненном колесе; бочка Данаид, которую никак не наполнить, ибо у нее нет дна; Тантал, пытающийся напиться и поесть плодов, но они ускользают от него; Сизиф, вкатывающий огромный камень на гору, который тут же срывается и катится вниз. Такая деятельность рассматривается как наказание богов за какие-то грехи.

Жизнь задает человеку вопрос: «Каким образом мы можем преодолеть страдание, изоляцию, стыд, порождаемый опытом изолированности; каким образом мы можем найти согласие с самим собой, со своими собратьями, с природой?» На него существует несколько ответов. Фромм предлагает два варианта: или преодолеть изолированность и слиться с чем-либо, аналогичным досознательному состоянию человека, или заново родиться, преодолев собственный эгоизм и достигнув иного уровня гармонии с миром⁶.

Лев Николаевич Толстой предлагал такое понимание смысла жизни: «Самое короткое выражение смысла жизни такое: мир движется, совер-

⁴ Сенека Л. А. Нравственные письма к Луциллию. Кемерово, 1986. С. 324—325.

⁵ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 7.

⁶ См.: Фромм Э. Психоанализ и дзэн буддизм // Что такое дзэн? Львов; Киев, 1994. С. 21.

шенствуется; задача человека — участвовать в этом движении, подчиняясь и содействуя ему»⁷.

В. Франкл полагал, что на поиски смысла жизни человека направляет его совесть⁸. Он обратил внимание на «самотрансценденцию человеческого существования», имеется в виду ориентированность человеческого бытия на «нечто, что не является им самим, на что-то или на кого-то: на смысл, который необходимо осуществить, или на другого человека, к которому мы тянемся с любовью. В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя»⁹.

В смысле жизни (как и в любом другом смысле) нужно различать личностный аспект и социальный, «смысл для себя» и «смысл для других». «Смысл для себя» — это то, что я хочу сделать в жизни для удовлетворения своих духовных и материальных потребностей. «Смысл для других» направляет человека на то, чтобы трансцендировать свою сущность в служение обществу, помогать другим, отдавать им себя, реализуя свое бытие. «Осуществляя смысл, человек реализует себя. Осуществляя же смысл, заключенный в страдании, мы реализуем самое человеческое в человеке. Мы обретаем зрелость, мы растем, мы перерабатываем самих себя»¹⁰.

Смысл жизни, по определению Л. Н. Когана, — это «философская категория, отражающая долговременную, устойчивую, ставшую внутренним убеждением личности, имеющую общественную и личную ценность задачу, реализующуюся в ее социальной деятельности. Эта задача определяется системой общественных отношений, целями и интересами класса (общества) и свободным (в определенных границах) выбором личности»¹¹.

Человек может по-разному осознавать смысл своей жизни. У одних это самые общие абстрактные представления о том, чтобы «приносить пользу обществу», у других есть ясное и четкое представление и понимание конкретных задач, у третьих — детальная проработка жизненных планов, например, разработка лекарства от трудноизлечимой болезни. Коган сравнивает цель жизни со стволом «дерева» жизненных целей, который объединяет и направляет частные и конкретные цели на реализа-

⁷ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1928—1958. Т. 18. С. 197.

⁸ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 38.

⁹ Там же. С. 29.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 233.

цию общего смысла жизни. Естественно, что возможен отказ от тех целей, которые препятствуют осуществлению жизненной «сверхзадачи»¹².

Японский учитель Миямото Мусаси связывал нахождение смысла жизни с четырьмя вариантами жизненного пути:

— «Первый из них — Путь Земледельца. Используя сельскохозяйственные инструменты, человек выращивает злаки и овощи, сообразуясь со сменой времен года.

— Второй Путь — Путь Торговца. Изготовитель вин добывает из ягод и фруктов необходимые ингредиенты и, смешивая их, поддерживает свое существование. Он живет, продавая плоды своего труда и получая выгоду. Таков Путь Торговца.

— Третьим Путем идет благородный воин, несущий свое вооружение. Путь Воина — овладение достоинствами своего оружия. Но если аристократ не любит Стратегию, как он сможет определить пользу, приносимую его клинком? Воин должен обладать развитым вкусом.

— Четвертый Путь — Путь Художника, или Путь Плотника»¹³.

П. К. Гречко предлагает различать следующие возможные смыслы жизни: гедонистический, должный, аскетический, смиренно-стоический, категорически-императивный, религиозный, действительно-гуманистический¹⁴. Но такой анализ не должен уводить от существа, от самого смысла, действительного лишь в целостной аксиологической форме вопроса, который вновь и вновь от библейских времен до наших дней задает человек себе: «Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? <...> И оглянувшись я на все дела мои, которые сделали руки мои, и на труд, которым трудился я, делая их; и вот все суета и томление духа, и нет от них пользы под солнцем! <...> ...Потому что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна; как те умирают, так умирают и эти. <...> ...Все произошло из праха и все возвратится в прах. <...> Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению. И любовь их, и ненависть их, и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем. <...> Сладок свет и приятно для глаз видеть солнце. Если человек проживет и много лет, то пусть веселится в продолжение всех их, но пусть помнит о днях темных, которых будет много...»¹⁵. Или в такой форме: «Нагим пришел

¹² Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. С. 228.

¹³ Режим доступа: <http://lib.ru/D0/m6m.txt>.

¹⁴ См.: Гречко П. К. Философия: что? как? зачем? М., 1990. С. 116—130.

¹⁵ Екклесиаст. I: 3; II: 11; III: 19—20; IX: 5—6; XI: 7—8.

я на землю, нагим сойду под ее покров; зачем же мне напрасно трудиться и страдать, если я ясно вижу перед собой неизбежный конец»? — «Как получил я жизнь? Откуда я? Зачем пришел я на землю? Чтобы опять уйти. Как могу я понять что-нибудь, когда я ничего не знаю? Из ничтожества возник я к жизни: и опять буду тем, чем был. Ничто, огромное ничто — вот вся участь смертных». — «Жизнь ухаживает за нами и откармливает нас для смерти, как стадо свиней на убой»¹⁶.

Этому пессимизму отчаяния противостоит стоический пессимизм. Эпикурец говорил: «Не стремись к счастью; лучше старайся избегать несчастья. Сильная степень счастья всегда соединена с горем; поэтому плыви к тихой и верной гавани и избегай глубоких вод. Избегай разочарований, не питая неосуществимых надежд и не стремись вывись; а главное — ничем не огорчайся». Стоик говорил: «Единственное истинное благо, которое жизнь может дать человеку, — это полная власть над своим духом; все другие блага обманчивы»¹⁷.

Гуманист эпохи Возрождения Марсилио Фичино писал: «История необходима нам не только для услаждения, но и для того, чтобы понять моральный смысл жизни. Посредством изучения истории то, что само по себе смертно, становится бессмертным, то, что отсутствует, становится явным; все древнее омолаживается, и юноша приобретает такую же зрелость, что и старик. Если семидесятилетний старец считается мудрым благодаря его огромному опыту жизни, то как мудр тот, чья жизнь охватывает тысячу или три тысячи лет! Действительно, можно сказать, что человек прожил столько тысячелетий, сколько он охватил посредством своего знания истории»¹⁸. Но, как справедливо заметил Риккерт, понятийное познание «убивает» жизнь, логизирует, препарирует ее на отдельные части, которые имеют мало общего с жизнью: «...Мы никогда не должны думать, что понятиями философии мы поймали саму живую жизнь, но, в качестве философов, можем только ставить себе задачу приближаться к жизни настолько, насколько это совместимо с сущностью философствования в понятиях»¹⁹, «...если мы хотим истолковать смысл жизни, мы должны знать ценности, лежащие в ее основе... Система философии жизни может быть поэтому построена только на основе системы ценностей»²⁰.

¹⁶ Цит. по: Джемс В. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1993. С. 122.

¹⁷ Там же. С. 123.

¹⁸ Цит. по: Идеи эстетического воспитания: Антология: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 312.

¹⁹ Риккерт Г. Философия жизни. Пг., 1922. С. 155.

²⁰ Риккерт Г. Философия жизни. С. 163, 165.

Б. Спиноза полагал, что цель жизни человека заключается в познании и следовании велениям разума, которому необходимо подчинять аффекты²¹. Цель человечества есть развитие в своей среде наибольшего разнообразия. Для этого необходимы свобода и разнообразие положений²². Гегель видел цель жизни человека в освобождении его духа, а Фейербах в качестве цели утверждал счастье²³. Французский философ Б. Паскаль заметил: «Пусть всякий исследует свою мысль; окажется, что она занята или прошлым, или будущим. О настоящем мы почти не думаем, а если и думаем, то только ради того, чтобы из него научиться располагать будущим. Настоящее никогда не составляет нашей цели: прошедшее и настоящее — наши средства, а цель — одно будущее. Таким образом, мы никогда не живем, но надеемся жить: а так как всегда рассчитываем на счастье, никогда его не достигаем (если стремимся только к такому, которое может быть уделом этой жизни)»²⁴.

Нередко в литературе не различаются понятия «цель жизни» и «смысл жизни». Так, В. В. Розанов определяет: «Цель человеческой жизни есть удовлетворенность, бескачественная и наибольшая, для наибольшего количества людей, волею этого количества определяемая как в содержании своем, так и в средствах осуществления»²⁵. А русский мыслитель конца XIX — начала XX века профессор Московской духовной академии Михаил Тареев писал: «Под целью жизни разумеется тот конечный результат, которым определяется вся цепь бессознательных явлений жизни и сознательных действий человека. <...> Сознание конечного результата есть идея цели (идея счастья, идея совершенства, идея славы Божией). Это сознание может быть направлено или на самый конечный результат как нечто завершенное и ожидаемое в конце процесса жизни, что дает идеал жизни, или на законы и пути реализации идеала в процессе жизни, что дает *понятие* цели. Понятие цели есть смысл жизни»²⁶. То есть само осознание целенаправленности жизни придает ей смысл. Но гораздо разумнее слова П. И. Новгородцева: «...С точки зрения практики жизни единственно правильно ставить себе цели конкретные и доступные; но каждое практическое действие лишь тогда приоб-

²¹ См.: Спиноза Б. Этика // Избр. произв.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 612—615.

²² Гумбольдт В. фон. Идеи к опыту, определяющему границы деятельности государства // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 30.

²³ См.: Фейербах Л. Избр. филос. произв.: В 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 622—623.

²⁴ Паскаль Б. Мысли. М., 1994. С. 95.

²⁵ Розанов В. В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 34.

²⁶ Тареев М. Цель и смысл жизни // Там же. С. 131.

ретае и настоящую жизненную энергию, и моральную цену, когда оно одушевлено нравственным стремлением, обращенным далеко вперед, к вечному идеалу добра»²⁶.

В свете этого смысл жизни правильнее рассматривать как *стратегию*, отдаленную абстрактную жизненную перспективу, выбранную в начале жизни и впоследствии не пересматриваемую. А цель жизни понимается как *тактика*, то есть промежуточный этап, или задача, подчиненная стратегической жизненной программе. Тактику жизни нужно регулярно пересматривать. Тактические задачи должны быть трудными, но достижимыми, ибо при выборе слишком трудной задачи можно надорваться и испытать разочарование, пессимизм и неверие в свои собственные силы и возможности. Напротив, слишком легкая цель при ее достижении не дает удовлетворения: что легко досталось — ценится не высоко.

Счастье. С вопросом о смысле жизни тесно связан вопрос о счастье, под которым обычно понимают состояние человека, испытывающего удовлетворение своим бытием, полнотой и осмысленностью жизни. Античная теория эвдемонизма рассматривала счастье как высшую цель человеческой жизни. При этом одни философы (например, гедонисты) понимали счастье как сумму испытанных удовольствий, в таком понимании проявляется ориентация на «обладание» и потребление. Сомнение в правильности такого подхода высказывал Шопенгауэр, подчеркивая, что любое стремление возникает из недостатка, из недовольства своим состоянием, поэтому доставляет некоторое страдание до тех пор, пока оно не удовлетворено; но никакое удовлетворение не может быть продолжительным, становясь исходным пунктом нового стремления²⁷. Другие философы (например, киники и киренаики, а также буддисты), наоборот, полагали, что необходимы борьба с желаниями и страстями, освобождение от них воспринималось как условие приближения к счастью (или к нирване)²⁸. Как заметил В. В. Розанов, «всякое счастье, имея лишь качественные измерения, не включает в себе каких-либо качеств», разве что «продолжительность и напряженность»²⁹.

²⁶ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 45.

²⁷ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992. С. 289—294.

²⁸ См.: Категории человеческого существования. Вып. 5. Страдание и счастье: Реф. сб. М., 1992.

²⁹ Розанов В. В. Цель человеческой жизни. С. 29.

Мудрый Рей Бредбери в повести «Вино из одуванчиков» заметил: «Вот поживете с мое, тогда поймете, что мелкие радости куда важнее крупных». А протестантский священник Дитрих Бонхёффер писал: «Едва ли есть чувство, дающее больше радости, чем ощущение, что можешь приносить какую-то пользу людям. При этом главное вовсе не в количестве, а в интенсивности. Ведь в конце концов именно человеческие отношения и есть самое главное в жизни...»³⁰.

Одна из самых обстоятельных книг, рассматривающих проблему счастья с позиций теоретических и практических, исторических и систематических, описательных и нормативных, языковых и психологических, социологических и нравственных, принадлежит польскому философу Владиславу Татаркевичу, который отмечал четыре основных значения слова «счастье»: 1) счастливая судьба; 2) сильная радость; 3) наивысший положительный баланс жизни; 4) удовлетворенность жизнью. Он признавался, что «совершенно точную дефиницию счастья не удастся получить. В конечном счете она практически и не нужна. Ибо точно знать о своем или чужом счастье и не нужно: списки счастливых людей не составляются, не ведется статистики счастливых, значит, нет нужды в строгой классификации людей с этой точки зрения, А взаимопонимание между людьми может быть достигнуто и при помощи менее точных понятий»³¹.

Люди, ориентированные на «бытие», считают важнейшим ориентиром для себя смысл жизни, которому подчиняют цели жизни. Другие же, ориентированные на «обладание», считают главными цели жизни, а смысл жизни второстепенным, о нем они почти не задумываются. Первые стремятся достичь в жизни каких-то общественно важных результатов, помочь людям в решении социальных проблем, занимаются самосовершенствованием, которое рассматривают лишь как средство для достижения жизненных задач. Вторые заботятся главным образом о решении личных проблем, удовлетворении своих потребностей, стремятся к удовольствиям и наслаждениям, получая радость от обладания и потребления. Подобную радость они нередко называют, в духе эвдемонизма, счастьем. Так, западные журналисты часто задают людям, добившимся материального успеха, вопрос: «В чем ваш рецепт счастья?» В. Татаркевич отмечал, что разногласия в трактовке счастья связаны с тем, что счастье зависит не столько от условий жизни, сколько от отношения к ним

³⁰ Бонхёффер Д. Письма // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 113.

³¹ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М., 1981. С. 48.

человека³². Источники счастья он делил на четыре группы: внешние блага, добрые чувства, любимая работа и бескорыстные интересы. Он высказывал разумные советы, направленные на достижение счастья: во-первых, не стремиться к внешним благам; во-вторых, ограничивать свои потребности; в-третьих, избегать удовольствий. Чем меньше люди заботятся о своем счастье, «тем скорее обретают его»³³.

Близкое к этому понимание проблемы счастья высказывал швейцарский психолог и психиатр Виктор Франкл: «В норме наслаждение никогда не является целью человеческих стремлений. Оно является и должно оставаться результатом, точнее, побочным эффектом достижения цели. Достижение цели создает причину для счастья. Другими словами, если есть причина для счастья, *счастье вытекает из нее* автоматически и спонтанно. И поэтому *незачем стремиться к счастью*, незачем о нем беспокоиться, если у нас есть основания для него.

Более того, *стремиться к нему нельзя*. В той мере, в какой человек делает счастье предметом своих устремлений, он неизбежно делает его объектом своего внимания. Но тем самым он теряет из виду причины для счастья, и счастье ускользает»³⁴. «Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья в обход осуществлению смысла, в частности с помощью химических препаратов»³⁵.

Те же мысли о счастье, что и Франкл, высказывали В. В. Розанов и Михаил Тареев: «...Счастье убегает от человека по мере его сознательных усилий быть счастливым... <...> Если бы счастье разумного существа было целью природы, то в нем разум был бы излишен, так как эта цель гораздо вернее достигалась бы путем инстинкта»³⁶.

Итак, счастье не может быть целью человеческой деятельности и смыслом жизни, в качестве таковых должны быть избраны другие цели. В понимании счастья следует выделить следующие основания, или условия:

1) счастье нельзя делать целью и смыслом жизни; как заметил В. Франкл, «счастье есть побочный эффект от реализации смысла жизни», лишь добиваясь успеха по мере реализации смысла жизни, можно испытывать счастье;

³² Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. С. 59.

³³ Там же. С. 30.

³⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла. С. 56.

³⁵ Там же. С. 30.

³⁶ Тареев М. Цель и смысл жизни. С. 137.

2) счастье — это взаимопонимание с близким человеком, с единомышленниками, с людьми, которых любишь и с которыми вместе делаешь важное общее дело, которые включены в смысл жизни, являются его условиями и соучастниками, помогающими реализовать программу смысла жизни;

3) счастливым можно быть лишь *сейчас*, но не вчера или завтра, если же человек думает с сожалением о вчерашних упущенных возможностях и с тревогой о завтрашних возможных неприятностях, то счастье он обязательно упустит;

4) счастье — это гармоничная, полноценная жизнь, полнота самореализации, для чего при выстраивании смысловознательной программы нужно включить в нее все важнейшие параметры: любовь, семью, духовное и материальное творчество, служение Богу и людям, общественное признание, бескорыстную самоотдачу в отношениях с людьми и миром;

5) условие счастья — духовное самосовершенствование и достижение «второго духовного рождения»;

6) счастье связано с пониманием бытия как самореализации через самоотдачу, когда человек отдает себя людям, помогает им, облегчает их страдания или создает то, что дает им радость и надежду;

7) достижение единства с Богом.

Эрих Фромм, анализируя структуру целей жизни современного человека, указывает на следующие: «...Достаток, индивидуализм и предприимчивость, но на деле у него нет цели. Спросите его, ради чего он живет, какова цель всех его страданий, — и он придет в затруднение. Одни могут сказать, что живут ради семьи, другие — чтобы получать удовольствие или чтобы делать деньги, но на самом деле никто не знает другой цели, кроме желания избежать опасности и одиночества»³⁷. Одной из важных жизненных целей человека считается благополучие. По определению Фромма, «благополучие является состоянием, когда достигается полное развитие разума не как исключительно рассудочного суждения, а как постижения истины в том смысле, чтобы “предоставить вещам быть” (используя хайдеггеровский термин) такими, какими они есть на самом деле. Благополучие возможно только в той мере, в какой человек преодолевает свой нарциссизм, в той мере, в какой он открыт, отзывчив, восприимчив, пробужден, пуст (в “дзэнском” смысле). Благополучие означает полноту эмоционального отношения к человеку и природе, преодоление изолированности и отчуждения, достижение чувства

³⁷ Фромм Э. Психоанализ и дзэн-буддизм. С. 13.

единства со всем, что существует, и в то же самое время — переживание самого себя в качестве отдельной сущности, неделимого... Я»³⁸.

У Достоевского есть интересное предположение: «Человек — существо легкомысленное и неблагоприятное и, может быть, подобно шахматному игроку, любит один процесс достижения цели, а не самую цель. И кто знает (поручиться нельзя), может быть, что и вся-то цель на земле, к которой человек стремится, только и заключается в одной этой непрерывности процесса достижения, иначе сказать — “в самой жизни, а не собственно в цели”».

Нахождение смысла формирует интерес к жизни, волю, радость, целеустремленность, ощущение полноты жизни.

Немецкий мистик Мейстер Экхарт выделял шесть ступеней реализации смысла жизни:

«На первой стадии внутренний или новый человек, говорит Св. Августин, идет по стопам добропорядочных, набожных родителей. Он все еще ребенок у материнской груди.

На второй стадии он больше не следует слепо примеру даже хороших людей. Он пребывает в странном поиске здорового наставления, благочестивого совета, священной мудрости. Он отворачивается от человека и обращается лицом к Богу: оторвавшись от материнской груди, он улыбается божественному Отцу.

На третьей стадии он все больше отдаляется от своей матери, все дальше уходит от ее груди. Он избегает опеки, отбрасывает страх. Несмотря на то, что он мог бы со всяким безнаказанно обращаться грубо и несправедливо, он не нашел бы в этом удовлетворения, ибо, делая добро, в своей любви к Богу, он так сильно поглощен им, так проникнут им (Бог создал его столь непоколебимым в радости, в святости и любви), что все иное и чуждое Богу кажется ему недостойным и отвратительным.

На четвертой стадии он все больше растет и утверждается в любви, в Боге. Он всегда готов приветствовать всякую борьбу, всякое испытание, бедствие или страдание и делает это охотно, радостно, с готовностью.

На пятой стадии он пребывает в мире, наслаждаясь полнотой высшей невыразимой мудрости.

На шестой стадии он рождается заново и преображается божественной вечной природой. Он пришел к полному совершенству и, в забвении непостоянных вещей и временной жизни, входит в образ Божий и становится сыном Бога. Следующей и более высокой стадии не суще-

³⁸ Фромм Э. Психоанализ и дзэн-буддизм. С. 25—26.

ствует. Это вечный покой и блаженство. Целью внутреннего и нового человека является вечная жизнь»³⁹.

Некоторые философы полагали высшим благом и целью человеческой жизни совершенствование человеческой природы (О. Кон, Э. Ренан, Ф. Ницше, Л. Н. Толстой). Вспоминая о своей утрате религиозной веры в молодости, Л. Н. Толстой в «Исповеди» рассказывал: «...Единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование. Но в чем было совершенствование и какая была цель его, я бы не мог сказать. Я старался совершенствовать себя умственно, — учился всему, чему мог и на что наталкивала меня жизнь; я старался совершенствовать свою волю — составлял себе правила, которым старался следовать; совершенствовал себя физически, всякими упражнениями изощряя силу и ловкость и всякими лишениями приучая себя к выносливости и терпению. И все это я считал совершенствованием. Началом всего было, разумеется, нравственное совершенствование, но скоро оно подменилось совершенствованием вообще, т. е. желанием быть лучше не перед самим собою или перед богом, а желанием быть лучше перед другими людьми. И очень скоро это стремление быть лучше перед людьми подменилось желанием быть сильнее других людей, т. е. славнее, важнее, богаче других»⁴⁰. В основе этой «веры» была идея *прогресса*.

Или можно привести в качестве примеров художественные воплощения этой идеи в романе Фламариона «В небесах» или повести Ричарда Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон». Однако, по справедливому суждению М. Тареева, при рассмотрении истории человечества невозможно обнаружить, чтобы человек стал сильнее, умнее или совершеннее. Н. О. Лосский замечал, что «все существа стремятся к абсолютной полноте бытия». К этой цели могут быть избраны два пути: первый путь любви и подчинения богу и через него обретение полноты бытия; второй — попытка самому стать богом и достичь полноты бытия через подчинение себе мира. Это путь Сатаны, дьявольской гордыни⁴¹.

В. С. Соловьев акцентировал внимание на этической стороне: «Нравственный смысл жизни первоначально определяется самим добром, доступным нам внутренне через нашу совесть и разум, поскольку эти *внутренние* формы добра освобождены нравственным подвигом от раб-

³⁹ Цит. по кн.: Что такое дзэн? С. 22—23.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Исповедь // Соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 109.

⁴¹ См.: Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 294.

ства страстям и от ограниченности личного и коллективного себялюбия»⁴².

Любовь. Многие авторы рассматривают в качестве источника счастья и смысла жизни любовь⁴³. Или, например, в ходе сеанса ЛСД-терапии пациентка пережила мистические переживания и ясно поняла, что «суть жизни есть любовь»⁴⁴. На этом же настаивал Л. Н. Толстой, а С. Л. Франк говорил даже о религии любви⁴⁵.

И. А. Ильин полагал, что без любви прожить человеку невозможно, потому что, во-первых, жизнь обрушивает на человека слишком много факторов, из которых надо выбирать, ограничивая себя, и любовь есть «главная выбирающая сила в жизни». Если же человек не научиться ограничивать и выбирать, то растратит себя и погибнет «во всесмешении». Надо отказываться от многого ради самого важного, и осуществлять выбор помогает воля, «воля без любви пуста, черства, жестка, насильственна и, главное, безразлична к добру и злу. Она быстро превратит жизнь в каторжную дисциплину под командой порочных людей». Во-вторых, любовь есть «главная творческая сила человека», «культура без любви есть мертвое, обреченное и безнадежное дело. И все великое и гениальное, что было создано человеком, — было создано из созерцающего и поющего сердца»⁴⁶. В-третьих, самое главное и драгоценное в жизни человека открывается только любящему сердцу. «Только созерцающая любовь открывает нам чужую душу для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей. Все это недоступно бессердечным людям. Только созерцающая любовь открывает человеку его родину, т. е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле. Иметь родину есть счастье, а иметь ее можно только любовью. Не случайно, что люди ненависти, современные революционеры, оказываются интернационалистами: мертвые в любви, они лишены и родины. Только созерцающая любовь открывает человеку доступ к религиозности и к Богу»⁴⁷.

⁴² Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 96.

⁴³ См.: Василев К. Любовь. М., 1982. С. 377.

⁴⁴ Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М.; Киев, 1996. С. 18.

⁴⁵ Франк С. Л. Религия любви // Русский эрос, или Философия любви в России. М., 1991. С. 401—414.

⁴⁶ Ильин И. А. Без любви // Там же. С. 398—399.

⁴⁷ Ильин И. А. Без любви. С. 399.

С самого начала человеческой жизни любовь играет важную роль. Без любви родителей к ребенку он может вырасти бездушным и жестоким. Во взаимоотношениях матери и ребенка выделяют следующие аспекты:

— телесный контакт (ребенку необходим контакт с матерью, ему нужно, чтобы она его ласкала, гладила, обнимала; у него возникает чувство спокойствия и безопасности, если он ощущает ее тепло и биение любящего сердца);

— эмоциональная привязанность (интенсивные эмоции связывают мать и ребенка, маленькие дети с трудом расстаются с матерью даже на короткое время, не соглашаются оставаться в детских яслях, когда мать должна уходить на работу);

— эмоциональная доступность и отзывчивость (малыш должен быть уверен, что мать всегда готова откликнуться на его просьбы, оказать ему бескорыстную помощь и поддержку).

Материнская любовь становится образцом, по которому человек учится другим видам любви, учится любить других. По мере расширения его социального опыта формируется любовь к другим родственникам, старшим товарищам, учителю, природе, популярному киноактеру и модному певцу, к славе, успеху, родине.

Как отмечал Э. Фромм, братская любовь есть любовь равных, материнская любовь — это любовь неравная, бескорыстная любовь к слабому и беспомощному ребенку, который взамен отдает лишь улыбку радости и счастья, ибо мать рассматривает ребенка как часть себя. Правда, иногда впоследствии матери могут уже выросшего «ребенка» считать «своей собственностью» и предполагают на основании своей любви, что имеют право распоряжаться им по своему усмотрению, не признавая за ним возможности принимать решения, идущие вразрез с желаниями матери.

В отличие от братской и материнской любви, эротическая любовь есть «страстное желание полного слияния, соединения с одним человеком»⁴⁸. Любовь эротическая в некотором отношении эгоистична, ибо в ней есть жажда обладания, сексуального удовлетворения и наслаждения. Более бескорыстна любовь романтическая (платоническая). Находясь в состоянии влюбленности, молодые люди одевают себе на глаза «розовые очки» и не замечают недостатков друг друга. Э. Фромм подчеркивал, что любовь есть «установка, ориентация характера личности»,

⁴⁸ Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 137.

направленная не на конкретный объект, а на весь мир⁴⁹. «...Любить — значит прежде всего *давать*, а не *получать*», а также «*заботиться, нести ответственность, уважать и знать*»⁵⁰.

Аврелий Августин выделял три вида любви: любовь к Богу, любовь к ближнему и любовь Бога к человеку. Однако надо любить и себя; при этом подчеркнем, что эгоизм и любовь к себе — не одно и то же. Философ-мистик Мейстер Экхарт писал: «Если ты любишь себя, ты любишь всякого другого так же, как себя. Пока ты любишь другого меньше, чем себя, тебе не удастся любить себя по-настоящему; но если ты любишь всех равно, и себя тоже, то ты будешь любить их как одного, и этот один есть и Бог, и человек. Итак, велик и праведен тот, кто, любя себя, любит также и всех других»⁵¹.

Питирим Сорокин в книге «Пути и сила любви: типы, факторы и техника морального преобразования» (1954) определял любовь как «жизнедательную силу» и утверждал, что альтруисты живут дольше, чем эгоисты. Он также назвал любовь «наивозвышенной формой свободы», так как любовь не терпит насилия.

Он выделил и проанализировал семь аспектов любви: религиозный, этический, онтологический, физический, биологический, психологический и социальный; а также пять ее «измерений»: интенсивность, экстенсивность, продолжительность, чистота и адекватность. Некоторые исследователи обнаруживают в чувстве любви переживание мифологического и космического единства с миром.

Любовь дает надежду на реализацию важнейших смыслов жизни человека, а надежда является замечательным мифологическим ценностным феноменом, она прикрывает «розовую занавеской» ту пропасть, которая находится за краем жизни. Надежда составляет существо всякой мифологии и опирается на фундаментальную потребность в иллюзиях, которая с древнейших времен является одной из базисных для ценностной картины мира человека.

Смысл жизни обладает мифологическим характером в том плане, что не имеет абсолютного значения за пределами какой-то религиозной или мифологической системы. Каждая из них предлагает свой абсолютный смысл, который принимается в качестве такового человеком, принадлежащим к той или иной конфессии.

⁴⁹ Фромм Э. Искусство любить. С. 134.

⁵⁰ Там же. С. 122, 124.

⁵¹ Цит. по: Там же. С. 143.

По словам В. Н. Несмелова, «кто видит свое назначение только в осуществлении общего блага людей, тот несомненно имеет очень высокую ценность, но только ценность эта есть чисто торговая ценность вещи, за которую кем-нибудь, хотя бы даже и целым человечеством покупается себе некоторое благо жизни. Кто видит свое назначение в развитии себя самого по идеалу человечности, тот имеет несомненную ценность в себе самом, но только ценность эта может быть ценностью простого самооболащивания, если только она вместе с человеком погибает во мраке могилы. Кто видит свое назначение в бесконечном осуществлении вечной для него цели, тот может иметь и вечную ценность по содержанию той цели, которая осуществляется им. Но только — где же найти эту вечную цель в пределах времени, и как можно бесконечно осуществлять ее в конечной жизни? Подумай об этом, человек, и если только серьезно ты будешь думать об этом, ты будешь на пути к христианству»⁵².

Итак, смысл жизни — это содержательно-ценностная ориентация человека в его самоопределении, самоутверждении и самореализации, это стратегическая жизненная перспектива, реализующая его понимание подлинного существования и бытия. Потребность в смысле жизни относится к числу основных онтологических потребностей человека. Для того чтобы жить полнокровной жизнью, то есть *быть*, человек должен иметь программу своей жизни, должен быть вдохновлен надеждой на реализацию этой великой программы, именно это дает ему волю к жизни, именно это делает его вполне человеком. Можно выделить следующие смыслообразующие доминанты:

- 1) творчество и созидание (труд);
- 2) духовная деятельность и религия;
- 3) деятельность на благо общества;
- 4) любовь, семья и воспитание детей;
- 5) руководство и подчинение;
- 6) потребление и удовольствия;
- 7) увлечения и хобби.

Можно указать на следующие, наиболее типичные смыслы жизни человека:

- альтруистический;
- творческий;
- семейный;

⁵² Несмелов В. Н. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения // Смысл жизни. С. 91—92.

- духовно-гедонистический;
- материально-гедонистический;
- престижный;
- теологический;
- авторитарно-конформистский.

При этом важно подчеркнуть, что человек может выбрать любой из названных смыслов жизни и реализовать себя в этом плане, но лучше, чтобы это был не один, а несколько смыслов, соединенных в какой-то ценностной иерархии, в идеале смысл жизни должен включать в себя все эти аспекты, а не один-два. Лишь при включении всех этих аспектов в смысл жизни можно говорить о *полноте* самовыражения и самореализации, что является четвертым важным условием счастья.

Как строить жизненную программу? При построении жизненной программы молодому человеку (а формирование жизненной программы происходит в возрасте 14—16 лет) следует уяснить собственную идентичность, то есть выяснить свои возможности, интересы, склонности, ответить на вопросы: «Кто я такой? Что я могу? За что меня могут уважать? В какой сфере я могу добиться успеха? Чего я хочу в жизни добиться?» При этом может помочь тестирование направленности интересов и характера способностей. Здесь необходимо предостеречь от преувеличения значимости тестов IQ Ганса Айзенка, важнейшими критериями коэффициента интеллекта который полагает быстроту и выявление алгоритмов сложных явлений⁵³. При этом никак не объясняется, почему именно эти критерии являются определяющими. Разве во всех жизненных ситуациях быстрота в принятии решений является важнейшим условием? При этом тестируемый не может быть умнее составителя тестов. Тесты эти интересны, но речь не о них, тесты должны помочь молодому человеку выявить направленность способностей, обнаружить, в какой сфере у него есть шансы добиться успеха: в гуманитарных науках, в искусстве, биологии, технике или математике. Наличие способностей является также важным условием реализации жизненной программы в той сфере, которая выбрана.

Надо также уяснить, что при реализации смысла и целей жизни требуются такие качества, как воля, трудолюбие, опыт, навыки, знания. При этом *воля* является самым главным условием достижения результатов, без нее все способности не помогут и будут растрчены впустую. Второе важное требование — выработка привычки к систематическому

⁵³ См.: Айзенк Г. Новые IQ тесты. М., 2001.

интеллектуальному и физическому труду, чередование которых дает разрядку и отдых.

Молодому человеку, озабоченному составлением жизненной программы, полезно почитать биографии в серии «Жизнь замечательных людей», из которых можно позаимствовать опыт аналогичной деятельности у людей, добившихся успеха в жизни. Неплохо также сравнить свои жизненные ориентиры с предлагаемыми «вредными», иронически-ми советами «опытного неудачника начинающим».

Как стать неудачником:

1. Стремись к легкому успеху.
2. Не перегружай голову знаниями, ибо дуракам везет.
3. При малейших трудностях бросай начатое, может быть, в другом деле повезет больше.
4. Подбирай себе помощников глупей себя, чтобы на их фоне выглядеть достаточно умным.
5. Делай умный вид, если ничего не понимаешь.
6. Если факты противоречат привычным представлениям, закрой на них глаза.
7. Если нельзя, но очень хочется, то — можно.
8. Критикуй всех и прослынешь умным, все будут тебя уважать и бояться.
9. Побольше обещай — люди жаждут иллюзий, за правду могут побить, а за иллюзии люди готовы платить большие деньги.
10. Забудь о настоящем, думай о вчерашнем дне с сожалением и о завтрашнем дне — с тревогой.
11. Почаще пересматривай стратегию жизни.

Напротив, для человека, желающего найти свой смысл жизни, построить полноценную жизненную программу и стать счастливым, можно дать другие советы:

— следует серьезно и ответственно отнестись к выбору смысла жизни, чтобы эту жизненную стратегию больше не пересматривать;

— смысл жизни должен быть найден самостоятельно, добровольно принят без давления и принуждения извне;

— смысл жизни может быть одноплановым, но предпочтительнее включение в него всех семи параметров смысловых перспектив, ибо это дает большие гарантии полноты счастья;

— цели жизни выбирать в соответствии с этой жизненной программой, они должны быть трудными, но достижимыми, соразмерными потенциалу человека и его возможностям;

— после достижения очередной цели жизни, последующие цели жизни надо корректировать с учетом изменяющихся условий и возможностей, такая корректировка должна проводиться не реже, чем раз в семь лет;

— самое главное условие успешности в жизни и гарантия счастья — развитие воли, которая обеспечивает целесообразность, целенаправленность и эффективность жизнедеятельности.

6. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ ЖИЗНИ

Одни философы полагают, что существование смерти обесмысливает жизнь, если есть смерть, то жизнь теряет смысл. Другие же, наоборот, полагают, что только смерть придает жизни смысл, ибо жизнь бесконечная чревата бессмысленностью. Е. Н. Трубецкой писал, что «жизнь бессмысленная всегда представлялась ему в виде замкнутого в себе порочного круга. Это — стремление, не достигающее цели, а потому роковым образом возвращающееся к своей исходной точке и без конца повторяющееся»¹.

Утрата смысла жизни характеризуется такими переживаниями, как зависть, скука, депрессия, бездеятельность, тоска, раздражение, отсутствие значимых целей, одиночество, эскапизм, увлечение эрзац-смыслами в виде алкоголизма, наркомании и т. п. Чувство бессмысленности В. Франкл называл «экзистенциальным вакуумом»². Ситуация бессмысленности легко толкает человека к агрессивности и разрушительности. Поэтому наилучшей профилактикой преступности и насилия является помощь людям в поисках смысла жизни.

Истоки негативного осмысления человеческого существования можно обнаружить в античности и даже раньше. В египетских текстах есть спор разочарованного со своей душой, где неизвестный автор пишет, что загробное существование проблематично, ибо никто еще не вернулся оттуда, чтобы рассказать об этом. Нравы все хуже и хуже, люди все злее и бессердечнее, бескорыстия и милосердия среди них не встретить. То же мы находим у Платона и Гесиода, которые обозначили эту закономерность как регрессивное развитие человечества. Но ведь почти то же говорят современные старики, что раньше все было лучше, а теперь все стало хуже. В чем же дело? Это связано с психологической закономерностью вытеснять из памяти негативные воспоминания, оставлять только позитивные. Отсюда и происходит склонность к идеализации прошлого и проецированию его в будущее в качестве «светлого будущего».

Как заметил Гегель, «свободный человек не бывает завистливым, а охотно признает великое и возвышенное и радуется, что оно есть»³.

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 23—24.

² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 47.

³ Гегель Г. В. Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 83.

Важнейшей причиной *зависти* является нереализованность смысла жизни. Если человек не нашел свой смысл жизни или потерял его, не сумев реализовать в полной мере, тогда он неизбежно относится с завистью к успеху своего соседа, который в этом плане преуспел. Отсюда возникает стремление разрушить успешное существование соседа, навредить ему, напакостить.

Зародыши *пессимизма* можно найти у античных стоиков и скептиков. Проблему бессмысленности человеческого существования хорошо показывают греческие мифы о бочках Данаид, о камне Сизифа, а также произведения Артура Шопенгауэра, Мартина Хайдеггера, Альбера Камю и Жана Поля Сартра. Одним из наиболее ярких сторонников идеи бессмысленности человеческого существования и мировоззренческого пессимизма был Артур Шопенгауэр, полагавший основой мира слепую и бессмысленную *волю* как энергию, пронизывающую природный мир на всех уровнях: материально-природном, растительном, животном и человеческом. Лишь человеку дано осознать эту волю, неподвластную его слабым возможностям, а то и нередко использующую человека в своих разрушительных энтропийных вихрях. Не в силах ей противостоять, он может лишь испытывать эстетическое чувство *возвышенного* по отношению к этой разрушительной и могучей стихии, неподвластной ему и не угрожающей непосредственно. Однако «воля к жизни как таковой» — бесцельна, мир как воля есть «вечное становление, бесконечный поток». Пессимизм является выражением негативного отношения к жизни, где невозможно счастье, но торжествуют зло, обман и бессмыслица⁴.

«Ничто» присутствует в нашем бытии, писал Хайдеггер, и проявляется через Ужас: «Ужас — с нами. Он только спит. Его сквозное дыхание веет в нашем бытии — меньше всего в склонном “ужасаться”; не-приметно — в деловитом с его “да-да” и “нет-нет”; раньше всего в затаенном; уверенней всего в потрясенном и дерзновенном человеческом бытии»⁵.

Нигилизм. Термин «нигилизм» был введен в обиход философских споров Ф. Якоби и Д. Йенишем в 1796 году, но первым наиболее активно стал его использовать Фридрих Ницше⁶. Он начинал с критики общественного сознания, стереотипов, предрассудков и иллюзий: «Заблужде-

⁴ См.: Чанышев А. А. Человек и мир в философии Артура Шопенгауэра // Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1992. Т. 1. С. 12.

⁵ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 24.

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 783.

ние (вера в идеал) не есть слепота, заблуждение есть *трусость*... Я не создаю новых идолов, пусть научатся у древних, во что обходятся глиняные ноги. Мое ремесло скорее — *низвергать идолов* — так я называю “идеалы”»⁷.

В России слово «нигилизм», выражающее некоторые важные особенности русского социализма, было введено И. С. Тургеневым, который назвал этим словом умственное и нравственное течение в русской интеллигенции 1850—1860-х годов. Типичная формула нигилиста: «Природа не храм, а лаборатория, и человек в ней работник». Так декларировал свои позиции герой Тургенева Базаров. Нигилизм характеризуют два полярных вектора: скептический критицизм, сомнение во всем, и безотчетная вера в правду, в идеалы истины и добра. Как писал П. Кропоткин, «прежде всего нигилизм объявил войну так называемой условной лжи культурной жизни. Его отличительной чертой была абсолютная искренность. И во имя ее нигилизм отказался сам — и требовал, чтобы то же сделали другие, — от суеверий, предрассудков, привычек и обычаев, существования которых разум не мог оправдать. Нигилизм признавал только один авторитет — разум, он анализировал все общественные учреждения и обычаи и восстал против всякого рода софизма, как бы последний ни был замаскирован. ...По философским своим понятиям нигилист был позитивист, атеист в духе Спенсера или материалист... Нигилисту были противны бесконечные толки о красоте, об идеале, искусстве для искусства, эстетике и тому подобном, тогда как и всякий предмет искусства покупался на деньги, выколоченные у голодающих крестьян или у обираемых работников. Он знал, что так называемое поклонение прекрасному часто было лишь маской, прикрывавшей пошлый разврат. Нигилист тогда отлил беспощадную критику искусства в одну формулу: “Пара сапог важнее всех ваших мадонн и всех утонченных разговоров про Шекспира”»⁸.

Желая понять и объяснить возникновение русского нигилизма и атеизма, Бердяев подчеркивал, что он появился из «сострадания, из невозможности перенести зло мира, зло истории и цивилизации. Это был своеобразный маркионизм (гностики Маркион отрицал божественную природу Христа. — *В. П.*), пережитый в сознании XIX в. Бог — Творец этого мира, отрицается во имя справедливости и любви. Власть в этом мире злая, управление миром дурное. Нужно организовать иное управление миром, управление человеком, при котором не будет невыноси-

⁷ Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 694—695.

⁸ Кропоткин П. Записки революционера. М., 1988. С. 283—284.

мых страданий, человек человеку не будет волком, а братом. Такова первоначальная эмоциональная основа русской религиозности, такова подпочва русской социальной темы»⁹.

Герой романа Жана Поля Сартра «Тошнота» занимается историческим исследованием, работая над биографией одного дворянина, жившего в XVIII веке. Однако постепенно перед ним возникает кардинальный вопрос: «Зачем все это? Зачем писать книгу о человеке, который не вполне заслуживает такой книги, никому не известен и ничем не примечателен?» Следствием этого сомнения является утрата интереса к жизни и почти физическое ощущение бессмысленности своего существования, которое он переживает как тошноту, позывы к рвоте, поскольку все вокруг представляется глупым, отвратительным и опротивело до тошноты. Эта же тема является ключевой во многих других его произведениях, например, в пьесе «Дьявол и Господь Бог», где герой обращает к Богу гневные слова обвинений и упреков, полагая, что именно он виноват в существовании зла в мире. «Я молил, я выпрашивал знака небес. Слал небесам мольбы — ответа нет. Небеса не знают даже моего имени. Я вопрошал себя ежечасно: что я в глазах господ? Теперь я знаю: ничто. Бог меня не видит, бог меня не слышит, бог меня не знает. Ты видишь эту пустоту над головой: то бог. Ты видишь щель в двери: то бог. Ты видишь дыру в земле: то бог. Бог есть молчание, бог есть отсутствие. Бог есть одиночество людское»¹⁰.

Абсурд и бунт. Одним из самых ярких авторов, посвятивших свое творчество проблеме абсурда и бессмысленности существования человека, был Альбер Камю. В своих трактатах и художественных произведениях он описал драму поиска смысла жизни человеком. В философском эссе «Миф о Сизифе» и повести «Посторонний», к которым примыкает пьеса «Калигула», он раскрыл тему *абсурда* человеческого существования. Абсурд — это «состояние души, когда пустота становится красноречивой, когда рвется цепь каждодневных действий, и сердце впустую ищет утраченное звено»¹¹. Второй волнующей его теме — *бунта* — он посвятил эссе «Бунтующий человек», роман «Чума» и пьесу «Праведники», полагая, что источник бунта и агрессивности современного человека связан с абсурдом и бессмысленностью существования человека.

⁹ Бердяев Н. А. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 119.

¹⁰ Сартр Ж. П. Дьявол и господь Бог // Сартр Ж. П. Стена: Избр. произв. М., 1992. С. 358.

¹¹ Камю А. Миф о Сизифе // Сумерки богов. М., 1989. С. 22.

Начало бунта можно найти у романтиков или у Ницше. Нередко под «сверхчеловеком» понимают фашиста или головореза с «большой дороги». Но такая трактовка едва ли верна. Дело в том, что обычно человек стремится получить свободу, не отягощенную ответственностью. Ответственность сковывает свободу, и это хорошо. Если же человек получает одну свободу, то это оборачивается произволом, деспотизмом, насилием и грабежом других. Ницшевский Заратустра — это «сверхчеловек» с пассионарным потенциалом деятельной энергии, способный взять на себя ответственность за свою свободу, в отличие от фашиста, который получил «свободу», не отягощенную ответственностью (о чем предупредил фюрер), или от «человека массы», который боится свободы, — ницшевский «сверхчеловек» уверен в своих силах и готов к полной ответственности за свою свободу. По словам современного философа-эссеиста И. Гарина, «считать Ницше предшественником фашизма — значит возвышать фашизм. Тоталитаризму нужна не философия, а идеология. Нацизм и утопия лишь эксплуатировали предшествующую философию в своих чисто практических, идеологических целях»¹². Это привело к «эстетизации зла» в культуре романтизма и сохранилось в российской культуре как соблазн героизма¹³.

Революционно-народнический социализм возник на основе четырех основных источников: во-первых, «комплекса вины» русской интеллигенции перед народом, который, как показали Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, сформировался в связи с традиционным недоверием народа к человеку «знающему», который и полезен, и опасен как «свой-чужой»¹⁴; во-вторых, просветительской мифологии разума, предлагавшей построить красивое и «правильное» общество с минимальными затратами в соответствии с геометрией порядка; в-третьих, православных традиций мессианского понимания смысла истории и культуры, когда человек должен пожертвовать собой ради блага будущего человечества; в-четвертых, позитивизма О. Конта, предлагавшего заниматься только тем, что полезно на практике, что может привести к реальным результатам.

¹² Гарин И. Воскрешение духа. М., 1992. С. 273.

¹³ См.: Пивоев В. М. «Свой» против «чужих»: *(Проблема героя в русской культуре)* // «Свое» и «чужое» в культуре. Петрозаводск, 2001. Вып. 2. С. 14—20.

¹⁴ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры) // Типология культуры. Взаимное воздействие культур: Труды по знаковым системам. Тарту, 1982. Вып. 15. С. 111.

Революционное народничество возникло как своеобразный и парадоксальный сплав наивного просвещенческого рационализма и религиозного романтизма, который на место христианского Бога поставил идею «светлого будущего», свято веря в возможность установления этого идеального общества на земле. Ради этого народник, не задумываясь, готов пожертвовать и собою, и своими ближними, полагая, что такой жертвой можно «выкупить» счастье народа.

У Арцыбашева героиня-революционерка, пытающаяся обнаружить смысл своей жизни, выдает один из глубинных мотивов этого революционного действия: «Я могла бы жить, если бы чувствовала себя вверху... над всеми... большой, смелой, гордой! А так, учить, ехать, одною из тысяч, в глушь какую-нибудь, лечить всю жизнь каких-то идиотов, состариться и умереть так же незаметно, как жила... Неужели ты не понимаешь, какой это ужас!.. Лучше смерть»¹⁵. Это выдает ее как романтика, не способного к систематической, настойчивой деятельности. Ее энергии хватает лишь на яркую вспышку насилия, с помощью которой она хочет сделать мир лучше и чище, но любое насилие дискредитирует цель, достигаемую с помощью такого насилия.

Одиночество. Для многих людей смысл жизни тесно связан с осознанием того, что он кому-то нужен, он способен помочь своим близким, они на него рассчитывают и в нем нуждаются. Соответственно потеря такого ощущения чревата утратой смысла жизни. Такая опасность наиболее типична для стариков, которые вырастили детей и отправили их в самостоятельную жизнь, и очень часто родители детям уже не нужны. Пока престарелые супруги живут вместе, они еще нужны друг другу. Но если один из них уходит из жизни, то второй переживает трагедию одиночества и бессмысленности.

Это особенно актуально для нашей страны, где после развала социализма в сознании старшего поколения произошел страшный кризис. Все то, чему они поклонялись всю свою жизнь, что считали святым и основой смысла жизни, — в одночасье рухнуло. В последние годы из жизни уходят представители старшего поколения, которые могли бы еще жить. Конечно, здоровье их было подорвано страшной войной и непосильным трудом восстановления хозяйства после войны. Но самое главное — ощущение бессмысленности прожитой жизни, напрасности всех жертв лишает их сил бороться с болезнями, старостью и одиночеством.

Одиночеством страдают также и молодые люди, которые в период социализации нуждаются в понимании и поддержке со стороны близких

¹⁵ Арцыбашев М. П. Тени утра. М., 1990. С. 417.

людей. И если им не удастся найти такое взаимопонимание, то возникает кризис одиночества. Социологи выделяют четыре типа поведения в такой ситуации: 1) печальная пассивность; 2) активное уединение; 3) растрачивание денег; 4) поиски социальных контактов¹⁶. Но бывает еще одиночество эгоизма, ярким примером которого является книга Макса Штирнера «Единственный и его собственность»: «Для Меня нет ничего выше Меня»¹⁷.

Если подытожить эти размышления, следует подчеркнуть: жизнь физическая, материальная, — бессмысленна, если не одухотворена. В воспоминаниях К. Г. Юнга приводится любопытный разговор между ним и вождем одного из племен американских индейцев:

«Видишь, — сказал Охвией Биано, — как жестоко выглядят белые. Их губы тонки, они остроносы, их лица покрыты морщинами и искажены складками. У них вытаращенные глаза; они всегда что-то ищут. Что они ищут? Белые всегда хотят чего-то; они всегда тревожны и беспокойны. Мы не знаем, чего они хотят. Мы не понимаем их. Мы думаем, что они сумасшедшие.

Я спросил его, почему ему кажется, что все белые сумасшедшие.

— Они говорят, что они думают головами, — ответил он.

— Ну конечно. Чем же думаете вы? — удивленно спросил я его.

— Мы думаем тут, — сказал он, показав на сердце»¹⁸.

¹⁶ Лабиринты одиночества. М., 1989. С. 336.

¹⁷ См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков, 1994.

¹⁸ Yung C. G. *Memories, Dreams, Reflections*. N. Y., 1965. P. 247—248.

7. СМЫСЛ СМЕРТИ

С вопросом о смысле жизни тесно связан вопрос о смысле смерти. По словам Сократа: «...Истинные философы много думают о смерти»¹. Японский учитель Миямото Мусаси в «Книге Пяти Колец» наставлял самураев: «Под Путем Воина понимается смерть. Он означает стремление к гибели всегда, когда есть выбор между жизнью и смертью. И ничего более. Это значит прозревать вещи зная на что идешь. Фраза: “Если умираешь, а твои намерения не поняты, то умираешь напрасно”, — отвратительна. В ней нет решимости следовать однажды принятому Пути перед лицом выбора. Каждый, кто заботится прежде всего о себе, теоретизирует, имея в голове одно желание — выжить. Но мысль о том, что смерть в неудаче — напрасная смерть, абсурдна сама по себе. В смерти нет стыда. Смерть — самое важное обстоятельство в жизни воина. Если ты живешь, свыкнувшись с мыслью о возможной гибели и решившись на нее, если думаешь о себе как о мертвом, слившись с идеей Пути Воина, то будь уверен, что сумеешь пройти по жизни так, что любая неудача станет невозможной, и ты исполнишь свои обязанности как должно»².

Как ни парадоксально, однако именно конечность жизни придает ей смысл, ибо бесконечность сделала бы ее бессмысленной. Л. Н. Толстой в «Исповеди» рассказывал, как в пятьдесят лет он почувствовал отвращение к жизни и позыв воли к смерти. Источником этого состояния был неразрешимый вопрос: «есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежной, предстоящей мне смертью?» На этот вопрос другими мыслителями предлагались различные ответы: «Первый выход, есть выход неведения. Он состоит в том, чтобы не знать, не понимать того, что жизнь есть зло и бессмыслица. Люди этого разряда — большую частью женщины или очень молодые или очень тупые люди — еще не поняли того вопроса жизни, который представился Шопенгауэру, Соломону, Будде. Они не видят ни дракона, ожидающего их, ни мышей, подтачивающих кусты, за которые они держатся и лижут капли меда. Но они лижут эти капли меда только до времени: что-нибудь обратит их внимание на дракона и мышей, и — конец их лизанию. От них мне нечему научиться, — нельзя перестать знать того, что знаешь. Второй выход — это выход эпикурейства. Он состоит в том, чтобы, зная

¹ Платон. Федон // Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 19.

² Режим доступа: <http://lib.ru/D0/m6m.txt>.

безнадежность жизни, пользоваться покамест теми благами, какие есть... <...> Третий выход есть выход силы и энергии. Он состоит в том, чтобы, поняв, что жизнь есть зло и бессмыслица, уничтожить ее... <...> Четвертый выход есть выход слабости. Он состоит в том, чтобы, понимая зло и бессмыслие жизни, продолжать тянуть ее, зная вперед, что ничего из нее выйти не может»³. Единственным разумным выходом из этих противоречий Толстому казалось самоубийство, но поиски его продолжались, и он скоро понял, что «искание Бога» и есть смысл жизни.

В психоанализе проблема смысла жизни рассматривается с учетом теории двух инстинктов: Эроса (влечения к жизни) и Танатоса (влечения к смерти). Целью влечения к жизни являются сохранение, поддержание и развертывание жизни во всех различных формах и аспектах. Влечение к смерти проявляется в различных формах деструктивности и агрессивности. Наука о смерти называется *танатологией*.

Особенности русской танатологии хорошо показал К. Г. Исупов⁴. Ассоциация танатологов Санкт-Петербурга выпускает периодический сборник статей «Фигуры Танатоса» под редакцией А. В. Демичева и М. С. Уварова⁵.

Танатология. Под смертью понимают конец жизни организма (размножающегося половым путем), после которого тело некоторое время продолжает существовать и распадается, подчиняясь энтропийным законам. Возникновение смерти, как трактуют различные мифологии, связано с проступком человека, нарушением некоторой изначальной гармонии. Человек, разрушающий эту гармонию, совершает греховный поступок, за который наказывается смертью. В некоторых мифах о возникновении смерти греха человека нет, преобладает мотив искаженного известия, причем искажение происходит по не зависящим от человека причинам. Фрезер полагал, что в Ветхом Завете явственны следы переработки этого сюжета иудейскими авторами.

Очевидно, что если понимать смерть как полное и безвозвратное уничтожение человека, то это неизбежно обесмысливает всю его жизнь. Вопрос о смысле жизни становится абсурдным, тогда возможен вопрос только о смысле смерти: ради чего имеет смысл умирать?

³ Толстой Л. Н. Исповедь // Соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 16. С. 133—134.

⁴ См.: Исупов К. Г. Русская философская танатология // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 106—114; см. также: Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417—430; Смерть как феномен культуры. Сыктывкар, 1969.

⁵ См.: Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998. Вып. 5; Фигуры Танатоса: Кладбище. СПб., 2001. Вып. 6.

Итак, истоки потребности в смысле жизни связаны с переживанием страха перед неизбежной смертью и страха перед неизвестным будущим. Ожидание этого неизвестного, полного неведомых опасностей будущего порождает тревогу такого рода, какая свойственна многим людям, особенно в ситуациях, когда разрушается привычный распорядок жизни, приходится переходить на новое место работы, переезжать на новое место жительства в другой город, в другую страну. Но бывает, как отмечал польский психиатр Антоний Кемпийский, невротическая тревога, связанная с крушением жизненных планов человека⁶. От неопределенной тревоги человек защищается верой в установленный распорядок и устойчивость своей жизни, в неизбежность и узаконенный социальный правопорядок в обществе. От невротической тревоги надежным гарантом является построение, осознание смысла жизни, включающего систему целей, обеспечивающих полноту самореализации потенциала человека, гарантирующих гармонию его существования в мире.

Отношение к смерти в разные времена и у разных народов было неодинаковым. П. А. Флоренский выделял три «чина» смерти:

— низкий, животный — «поверхностная физиологическая смерть, нередко мало сознаваемая»;

— обычная, сопровождаемая «узрением смерти», явлением Ангела смерти;

— высший, духовный — успение, «преставление» в духовный мир без узрения смерти, по слову Спасителя: «Верующий в Меня не узрит смерти вовеки»⁷.

Историк Филипп Арьес выделяет пять этапов в изменении представлений о смерти в европейской культуре. Первый этап он обозначает формулой «прирученной смерти». Это отношение к смерти сформировалось в раннем средневековье, когда смерть не воспринималась как трагедия и индивидуальный акт. В то время на Западе еще не было распространено представление, что умершего ожидают суд и наказание за грехи; умерший, как полагали, просто «засыпал» до «второго пришествия Христа». Смерть полагалась подобной сну.

Второй этап, наступивший с XII века, называется «смерть своя». С этого времени ведущую роль играет открытие индивидуальной ответственности человека за его грехи. Если в предшествующие годы не было принято указывать имя умершего на могильном камне, то теперь появляются эпитафии, как это уже было в античности. Возникает предста-

⁶ См.: Человек: Образ и сущность. Перцепция страха. М., 1991. С. 91.

⁷ См.: Хоружий С. С. После перерыва: Пути русской философии. СПб., 1994. С. 114.

вление о суде над умершим после его смерти, поэтому получил распространение обычай заказывать мессу за упокой души усопшего, чтобы облегчить его участь на этом суде.

Третий этап Арьес называет «смерть далекая и близкая» в связи с разрушением в эпоху Просвещения традиционных представлений о ценностях, культурные нормы перестают рассматриваться как священные, поэтому в поведение людей врывается стихийность. Арьес полагает, что маркиз де Сад хорошо выразил в своих книгах это переживание.

Четвертый этап определяется «смерть твоя», и он отражает ослабление веры в суд после смерти, отношение к смерти меняется. Смерть своя воспринимается как преддверие встречи с теми, кто ушел раньше, но более трагично воспринимается смерть близкого человека, как расставание навсегда.

В XX веке складывается пятая форма отношения к смерти — «смерть перевернутая». Ее начинают бояться, о ней не принято говорить, процедура похорон упрощается и сокращается, поручается специальным конторам, которые поставили это дело на конвейер. Покойника принаряжают и с помощью косметики представляют молодым, красивым и счастливым в преддверии Рая на небесах⁸.

Смерть является одним из необычайно интересных феноменов культуры. Неокантианец А. Введенский утверждал, что невозможно говорить о каком бы то ни было смысле жизни вне связи с личным бессмертием⁹. С ним вполне солидарен М. Тареев, который в вере в победу над смертью и воскресение для вечного блаженства в царстве небесном видел смысл жизни человека¹⁰. А цель жизни, по мысли Тареева, — в утверждении этой веры в земной жизни, в превращении ее в действительную «радость о Св. Духе». «Смерть ставит перед нами вопрос о самом главном, об основах нашего земного существования, о личной жизни в целом. Смерть есть та сила, которая обрывает поток повседневных обстоятельств и впечатлений и выводит человека из него, она задает ему вопросы: “ради чего ты живешь? верен ли твой выбор, или ты до сих пор даже не удосужился выбрать что-нибудь? стоит ли жить тем, чем ты живешь, и верить в то, во что ты веришь? если стоит, то за это

⁸ См.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 12—16.

⁹ См.: Введенский А. Условия допустимости веры в смысл жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 120.

¹⁰ См.: Тареев М. Цель и смысл жизни // Там же. С. 240—242.

стоит бороться и умереть! Ибо *то, что* не стоит смерти, то не стоит ни жизни, ни веры!..»¹¹.

О. М. Фрейденберг заметила, что мы не знаем мифов об умирающих и воскресающих женщинах, а только о мужчинах. «У женщин ‘воскресенье’ заменено метафорой ‘родов’ и ‘рождений’. Рождая, женщина рождается. Ее лоно — земля, могила, сосуд, яма»¹².

Очень интересны размышления о смерти П. Я. Чаадаева: «Вы часто слыхали, что сон есть образ смерти; мне кажется, что сон есть настоящая смерть, а то, что смертью называют, кто знает? — Может быть, оно-то и есть жизнь? — Мое я прерывается сном, смертью — нет: иначе было бы ничтожество. Из гроба не просыпаемся; ото сна встаем, и входим опять в наше я. — Но скажите мне, живем ли мы, когда ни на минуту не чувствуем своей смерти?

Дело в том, что истинная смерть находится в самой жизни. Половину жизни мы мертвы, мертвы совсем, не гиперболически, не воображаемо, но действительно, истинно мертвы... Жизнь убегает от нас повсеместно, часто к нам возвращается, но никак нельзя сказать, что мы жили не переставая. Жизнь разумная прерывается всякий раз, как исчезает сознание жизни. Чем больше таких минут, тем меньше разумной жизни, а если они совсем не возвращаются, вот и смерть. — Чтобы умереть таким образом, не нужно прекращать жизни, другой же смерти нет. Смерть в самой жизни, вот все, что называют смертью»¹³.

На понимание проблемы смысла жизни оказывают влияние исследования Раймондом Моуди состояний и переживаний человека во время клинической смерти¹⁴ и Станиславом Грофом измененных состояний сознания. В ходе одного из сеансов пациентка Грофа переживала эпизоды своего детства и отождествилась с сознанием себя-девочки и одновременно умирающего отца. Вместе с сознанием отца она пережила его смерть. Вот как она описывает последующее переживание: «Когда мы пересекли порог жизни и смерти, я оказалась в сверхъестественном страшном мире. Он был наполнен флюоресцирующим эфиром странной мрачной природы. Не было способа узнать, было ли это пространство конечным или бесконечным. Бесчисленные души умерших человеческих существ пребывали во взвешенном состоянии в светящемся эфире;

¹¹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 52—53.

¹² Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 78.

¹³ Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 169.

¹⁴ Моуди Р. Жизнь после жизни // Восток и Запад о жизни после смерти. СПб., 1993. С. 193—298.

в атмосфере особого бедственного положения и лихорадочного возбуждения они направляли мне бессловесные просьбы по каким-то неидентифицируемым экстрасенсорным каналам. Они выглядели необычайно требовательными, казалось, они чего-то хотят от меня. В целом атмосфера напоминала описание подземного мира, о котором я читала у древних греков. Но объективность и реальность ситуации лежали выше всякого воображения — они пробуждали состояние совершеннейшего и в высшей степени метафизического ужаса, которое я не могу начать описывать»¹⁵. Одни отнесутся к этому рассказу скептически, коль скоро перепроверить эти переживания нельзя, другие — с доверием, ибо это не противоречит религиозным представлениям о загробном мире, ожидающем человека после смерти. Подобного рода инструкцией для души умершего является «Тибетская книга мертвых», переводы которой были недавно опубликованы¹⁶.

В конце XX века медицина столкнулась с серьезными философскими проблемами в связи со смертью: когда наступает смерть? после остановки сердца и прекращения дыхания? или после отмирания и распада нервных клеток мозга? возможна ли эвтаназия, умерщвление врачами человека по его просьбе в связи с неизлечимыми болезнями?

Естественная смерть бывает достаточно редко. Вот как описывают такую смерть: «Достигнув глубочайшей старости и сохранив еще последние отблески угасающей мысли, старик чувствует, как слабеет со дня на день; члены его перестают покоряться слабеющей воле; кожа становится бесчувственной, сухой и холодной; конечности теряют всякую теплоту; лицо худеет, глаза впадают и зрение мутится; слова застывают на разверстых губах; жизнь покидает старика, начиная с поверхности к центру; дыхание затрудняется и, наконец, сердце перестает биться. Старик потихоньку угасает, точно засыпает своим последним сном. Вот какова естественная смерть в строгом смысле слова»¹⁷. Чаще смерть происходит из-за болезней, которые наносят организму ущерб, не совместимый с жизнью. Много вреда старому организму наносят вредные привычки и излишества, злоупотребление которыми сокращает жизнь. Известно, что никотин и особенно алкоголь сильно старят организм. Есть немало свидетельств, что люди духовно и интеллектуально развитые живут дольше.

¹⁵ Гроф С. Области человеческого бессознательного: опыт исследования с помощью ЛСД. М., 1994. С. 192.

¹⁶ Тибетская книга мертвых. СПб., 1992.

¹⁷ Цит. по: Мечников И. И. Этюды оптимизма М., 1988. С. 108.

Если человек умирает от неизлечимой болезни, то осознание надвигающейся и неотвратимой смерти вызывает острые ощущения страха и страдания, ужаса и одиночества. В этом плане большой интерес представляют опыты, проводимые учеными в американских хосписах, по использованию препаратов ЛСД для перестройки отношения к смерти. Одним из первых об этих возможностях ЛСД писал Олдос Хаксли, наблюдавший за агонией своей жены и пытавшийся облегчить ее страдания. Затем в 1960 годы Эрик Каст из Чикагской медицинской школы стал систематически заниматься исследованием этого препарата. Позднее ведущим центром стал научно-исследовательский отдел Балтиморской больницы «Спринг Гроув» штата Мэриленд.

Вот как описывает испытываемая свои переживания: «Я находилась в безграничном, лишенном времени мире, там не было ни атмосферы, ни красок, ни образов, но, возможно, был свет. Внезапно я осознала, что являюсь мигом времени, созданным теми, кто жил до меня, и сама я, в свой черед, — создатель других. Это был мой миг; моя основная задача была выполнена. Будучи рождена, я придала смысл существованию родителей»¹⁸. Больные после сеанса ЛСД-терапии меняли отношение к смерти, потому что в процессе умирания пугает неизвестность того, что ждет человека после жизни. Но если он «совершит экскурсию» в иной мир, то страх смерти проходит, тем более что этот иной мир, увиденный в ходе сеанса, производит очень благоприятное впечатление. И тогда он начинает успокаивать своих близких: «Не тревожьтесь за меня, все будет хорошо».

Карлис Осис собрал огромный материал (35 540 описаний) процесса кончины людей, опубликованный в 1961 году. Он обнаружил, что «около десяти процентов умирающих, видимо, были в сознании за час до смерти. Удивительно, но, согласно сообщениям врачей и медсестер, пациенты испытывали в основном отнюдь не страх. Указывалось, что чаще наблюдались ощущения дискомфорта, боли и даже безразличия. Было установлено, что примерно у одного из двадцати больных присутствовали признаки душевного подъема. Неожиданным стало сделанное в рамках данного исследования открытие, что нередко имеют место видения преимущественно с нечеловеческим содержанием. Они встречались приблизительно в десять раз чаще, чем у аналогичной группы здоровых людей. Некоторые из видений более или менее соответствовали традиционным религиозным концепциям и представляли небеса, рай или Вечный Град; другие носили черты их мирских образов невырази-

¹⁸ Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. М.; Киев, 1996. С. 18.

мой красоты, вроде пейзажей с великолепной растительностью и экзотическими птицами. Согласно авторам, для большинства переживаний были характерны яркие цвета, и они весьма походили на психоделические переживания, вызываемые мескалином или ЛСД. Реже наблюдались ужасающие видения чертей или ада либо иные, тоже пугающие, например, погребение живьем»¹⁹.

Карл Густав Юнг во время сердечного приступа переживал следующие видения: «Мне казалось, что я находился в космическом пространстве. Далеко внизу я видел земной шар, качающийся в восхитительно голубом свете. Я различал синюю морскую поверхность и континенты. Далеко под моими ногами лежал Цейлон, а на некотором расстоянии впереди находился Индийский субконтинент. Поле зрения охватывало не всю Землю, но ее шарообразность была ясно различима, и контуры светились серебристым мерцанием, пробивавшимся сквозь прекрасный голубой свет. Во многих местах земной шар казался расцвеченным или покрытым темно-зелеными пятнами, наподобие окислившегося серебра. Далеко слева виднелось широкое пространство — красновато-желтая Аравийская пустыня; это выглядело так, словно серебро земли приняло там красновато-золотой оттенок. Далее располагалось Красное море, а еще дальше, как бы в верхней левой части карты, я едва мог различить кусок Средиземного моря. Мой взгляд был направлен в основном туда. Все прочее казалось нечетким. Я мог также видеть покрытые снегом Гималаи, но в том направлении было облачно или подернуто дымкой. Направо я вообще не глядел. Я знал, что нахожусь на грани ухода с Земли.

Позже я установил, на какой высоте следует находиться, чтобы обозревать такую картину: приблизительно тысяча миль! Вид Земли с такой высоты был самой величественной картиной, которую я когда-либо видел.

После созерцания ее в течение некоторого времени, я развернулся. До этого я был повернут спиной к Индийскому океану и лицом к северу. Затем, судя по всему, я повернулся к югу. Нечто новое попало в поле моего зрения. На некотором расстоянии я увидел висящий в пространстве огромный темный каменный блок, подобный метеориту. Он был размером почти с мой дом или даже больше. Он парил в пространстве, как и я сам.

Ранее я уже встречал подобные камни на побережье Бенгальского залива. Это — куски коричневатого гранита, и в некоторых из них выр-

¹⁹ Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. С. 84.

блены храмы. Мой камень был одним таким гигантским темным блоком. Вход вел в небольшой вестибюль. Направо от входа на каменной скамье в позе Лотоса молча сидел черный индус. На нем была белая мантия, и я знал, что он ждал меня. К вестибюлю вели две ступени и внутри налево были ворота в храм. Бесчисленные крошечные ниши, в каждой из которых выдолблена впадина, напоминающая блюдце и заполненная кокосовым маслом с плавающим в нем маленьким горящим фитилем, озаряли дверь кольцом сияющих языков пламени. Я действительно когда-то видел такое во время посещения Храма Священного Зуба в Канди на Цейлоне, ворота были окружены несколькими рядами горящих масляных светильников подобного типа.

Когда я подошел к ступеням, ведущим ко входу в камень, произошло нечто странное: я ощутил, как все стало сползать с меня — все, к чему стремился, чего желал, о чем думал, вся фантазмагория земного существования была с меня снята, — весьма болезненный процесс... Однако кое-что осталось. Я теперь как бы нес с собой все, что когда-либо пережил или совершил, все, что в прошлом произошло вокруг меня. Я мог бы также сказать: все это было со мной, и я был им или, так сказать, состоял из всего этого. Я состоял из собственной истории и твердо чувствовал: это то, чем я являюсь. “Я емь сей узел всего, что произошло и было совершенно”²⁰.

Моей маме за неделю до ее смерти приснился сон, что она упала с кровати на холодный каменный пол и не могла подняться. Она стала звать на помощь, но никто не откликался, не слышал ее призывов. Наконец, пришла какая-то женщина в белой одежде, подняла ее и положила на белую простыню.

Элизабет Кюблер-Росс, профессор Чикагского университета, в своей книге «О смерти и умирании» выделяет пять стадий подготовки к смерти: отторжения и изоляции, гнева, попыток что-то выторговать, депрессии и, наконец, признания неизбежного.

Важной проблемой философии смерти является самоубийство, или суицид. Очевидно, что наше рождение на свет Божий является не результатом нашей свободной воли, а вынужденным событием, но вопрос об уходе из жизни может быть решен самим человеком. Многих соблазняет возможность совершить такой свободный поступок, полагая это возможным выходом из тупиков поиска смысла жизни. Эту проблему обсуждает современный латиноамериканский писатель Пауло Коэльо в романе «Вероника решает умереть», где героиня, не сумев обнаружить

²⁰ Цит. по: Гроф С., Хэлифакс Д. Человек перед лицом смерти. С. 86.

значимый смысл в своей жизни, принимает решение о самоубийстве. Будучи спасенной, она оказывается в клинике для психических больных, каждый из которых испытал свою драму бессмысленности существования. Доктор применяет к ней нравственно не безупречный, хотя и эффективный метод: объявляет, что своей попыткой самоубийства она подорвала ресурсы своего здоровья, что все их усилия спасти ее дали временный эффект, что ей осталось жить неделю, а потом сердце не выдержит. Девушка оказалась в трудном положении. Одно дело — принять решение и быстро уйти из жизни, совсем другое — знать о скорой кончине и ждать смерти. Такая пограничная ситуация вызвала глубокую ревизию ее системы ценностей, и в ней начала просыпаться жажда полнокровной жизни хотя бы в последние оставшиеся дни. Ее усилия были вознаграждены, она обрела смысл жизни. Эти отчаянные попытки наслаждаться жизнью спровоцировали аналогичные психодрамы у других пациентов и помогли им преодолеть свои кризисы. Этого и добивался доктор.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм написал книгу о проблеме самоубийства, приведя там статистику XIX века, показывающую некоторую связь числа самоубийств с религией. Среднее число самоубийств на 1 млн жителей:

- в странах протестантских — 190;
- в странах смешанного вероисповедания (католики и протестанты) — 98;
- в странах римско-католического вероисповедания — 58;
- в странах греко-католического (православного) вероисповедания — 40²¹.

Кроме известной книги Реймонда Моуди, описания переживаний близости к смерти и субъективных ощущений, сопутствующих клинической смерти, были собраны Джессом Е. Вейссом в книге, озаглавленной «Прихожая». Замечательные художественные описания смерти выполнены Львом Николаевичем Толстым в повести «Смерть Ивана Ильича» и в сцене смерти Андрея Волконского в «Войне и мире», можно привести также примеры новелл «Низвержение в Мальстрем» Эдгара Аллана По, «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса и «Неистовые годы» Кearsa Кросби.

Чтобы прожить долго, врачи предлагают выполнять следующие рекомендации: «Следует сохранять все органы в полной их силе, распознавать болезненные наклонности и бороться с ними, будут ли они на-

²¹ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. С. 127.

следственны или приобретены в течение жизни. Следует быть умеренным в употреблении пищи и питья точно так же, как и в других физических удовольствиях. Воздух должен быть чист в жилище и вне его. Нужны ежедневные физические упражнения независимо от погоды. Во многих случаях полезна гимнастика дыхания так же, как прогулки пешком и подъемы на гору. Следует вставать и ложиться рано. Сон не должен продолжаться более 6—7 часов. Нужно принимать ежедневно ванну или обтираться. Вода для этого может быть холодной или теплой, смотря по темпераменту. Иногда можно употреблять холодную и теплую воду поочередно. Правильный труд и умственные занятия необходимы. Следует воспитывать в себе жизнерадостность для спокойствия души и оптимистического воззрения на жизнь. С другой стороны, следует побеждать в себе страсти и нервное беспокойство. Нужна, наконец, сильная воля, которая заставила бы человека охранять свое здоровье и избегать спиртных напитков и других возбуждающих средств, так же как и наркотических и анестезирующих веществ»²².

Иммортология. Науку о возможности бессмертия с недавних времен называют «иммортологией». Предложение рассмотреть вопрос о воскрешении всех людей, живших на нашей планете, и продлении жизни до бесконечности в начале XX века внес Н. Ф. Федоров в своей философии «общего дела»²³. И. И. Мечников в книге «Этюды оптимизма» также рассматривал проблемы бессмертия. В США в штате Алабама создан Институт бессмертия, на XXI Всемирном философском конгрессе в Стамбуле заседание круглого стола было посвящено теме «Жизнь, смерть, бессмертие». Профессор И. В. Вишев, разъясняя существо проблемы «практического бессмертия», указывает на то, что акцент надо сделать на «практическом», потому что бессмертие невозможно, по крайней мере сейчас. Возникает также вопрос о смысле бессмертия. Что же касается *практического* бессмертия, то сегодня это уже почти решаемая проблема. Современная наука уже вплотную этим занимается. «Под практическим бессмертием человека понимается в принципе достижимая такая длительность его индивидуального бытия на пике оптимальных параметров телесной и духовной жизнедеятельности, детерминированной необходимыми социальными и биологическими факторами, когда будут устранены все видовые границы человеческой жизни и станет

²² Цит. по: Мечников И. И. Этюды оптимизма. С. 134.

²³ См.: Федоров Н. Ф. Соч.: В 4 т. М., 1995. Т. 1.

возможным утверждать — он стал практически бессмертным»²⁴. Речь при этом не идет о невозможности смерти. Она может, разумеется, произойти из-за каких-либо случайных причин. Иммутология рассматривает проблему бессмертия в философско-социальном, естественнонаучном, техническом, нравственно-гуманистическом, ценностном и других аспектах. При этом решение проблемы практического бессмертия опирается на возможности клонирования, теломерной терапии, устраняющей лимит клеточного деления, регенерации стволовых клеток, представляющей возможности получения «запчастей» организма, расшифровки генома человека, что открывает перспективы конструктивной перестройки механизмов жизнедеятельности, и т. п.²⁵

²⁴ Вишев И. В. Впервые на Всемирном философском конгрессе // Вестник РФО. М., 2003. № 3. С. 64.

²⁵ См.: Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию. М., 2002.

8. СМЫСЛ ИСТОРИИ

Метафизика истории. Раздел философии истории, исследующий смысл истории, Л. П. Карсавин называл «метафизикой истории», хотя, может быть, правильнее называть его «телеологией истории». Имеет ли история смысл? Несложно заметить, что смысл истории связан с ее завершением. То, что не имеет конца, не имеет и смысла. Но, с другой стороны, подобный смысл не может исчерпать проблемы осмысления истории. В. В. Розанов писал: «Процесс истории есть последовательное раскрытие человеческого духа как некоторой системы предустановленных задатков, движимое силой их влечения к тому, к чему они суть задатки»¹.

Считается, что термин «футурология» был введен в 1943 году социологом О. Флехтхеймом для обозначения философии будущего в отличие от идеологии и утопии. Прогнозы будущего можно разделить на оптимистические, пессимистические и неоконсервативные.

Смысл истории — это стратегия исторического развития, а цели истории — это задачи промежуточных этапов, подчиненные стратегическому смыслу.

Прогнозирование будущего является издавна потребностью человека. В последнее столетие это прогнозирование пытаются строить на рациональных, научных основаниях, таких как:

- дуализм (противоречие между организмом и внешней средой);
- конфликт (природа как арена смертельной борьбы);
- иерархия (от простого до сложного);
- вытеснение (более примитивных форм более сложными);
- реакция (на необходимость удовлетворения потребностей);
- развитие².

Н. Д. Кондратьев писал: «Все, что мы можем здесь сказать о будущем, это лишь самые общие положения о направлении тех или иных частных тенденций без локализации их в определенных рамках времени. Однако это не мешает, конечно, верить в близость определенных перспектив и действовать по направлению к ним. Но было бы ошибкой категорию знания бессознательно заменять категорией веры»³.

¹ Розанов В. В. Цель человеческой жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 55.

² См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. М., 1997. С. 325.

³ Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 9. С. 73.

По определению С. Л. Франка, философия истории «в отличие от положительной исторической науки — есть не историческое, а сверхисторическое знание. Его предмет есть не исторический процесс как таковой, во временном его течении, а история как символ и выражение сверхвременного, цельного существа человеческого духа»⁴. Главная задача философии истории — обнаружение смысла истории. Например, для Гегеля — это самореализация абсолютного духа и свободы, для Маркса — торжество коммунизма как самореализация человеческого общества, для Бердяева — самореализация Бога в космосе (природе). К ведению философии истории относятся также вопросы о возможности и смысле прогресса, о возможностях и характере предсказания и прогнозирования будущего, о характере связи между прошлым и будущим, о загадке «настоящего».

К. Ясперс выделял следующие цели истории:

- 1) цивилизация и гуманизация человека;
- 2) свобода и сознание свободы;
- 3) творческая самореализация и открытие величия человека;
- 4) раскрытие бытия в человеке⁵.

Если попытаться говорить о цели и смысле исторического процесса, то возникают, как минимум, два вопроса: о субъекте истории и о временных пределах (ибо бесконечность абсолютного временного континуума лишена реального смысла). Можно привести в качестве примера известную работу Френсиса Фукуямы «Конец истории» или коммунистическую утопию К. Маркса. Фукуяма полагает, что центральной проблемой человечества в XX веке было противостояние двух систем, коммунистической и капиталистической, и целью истории было преодоление этого противоречия. Коль скоро цель достигнута, то эта «история» завершена, речь должна идти о новой цели, ибо начинается новая история.

Вильгельм фон Гумбольдт среди причин, движущих мировую историю, выделил две группы, связанные, во-первых, с природной необходимостью, от которой человек пытается освободиться, и, во-вторых, со свободой, проявляющейся в поведении и деятельности человека⁶.

Он исходил в своем понимании истории из существования и действия в мировой истории некоторой «идеи», которая проявляется в по-

⁴ Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 31.

⁵ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. С. 172.

⁶ См.: Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах мировой истории // Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 291.

следовательности событий, поэтому задачу истории он видел в том, чтобы «изобразить стремление идеи обрести бытие в действительности»⁷.

Со вторым вопросом дело сложнее, потому что каждый футуролог отдает себе отчет в рискованности выдвижения каких-то точных временных границ и прогнозов. Негативный опыт Н. С. Хрущева всем памятен. В то же время, как было показано выше, целесообразно лишь аксиологическое прогнозирование, а не конкретное, чреватой историцизмом. Бессмысленны любые попытки построения подробного проекта завтрашнего общества, который намереваются в точности воплотить в жизнь. Такие проекты необходимы лишь как умозрительные, абстрактные модели, ориентируясь на которые можно пытаться воспитывать людей, убеждать в необходимости позитивных изменений. «Не земной рай, как вечная награда за употребленные ранее усилия, а неустанный труд, как долг постоянного стремления к вечно усложняющейся цели, — вот что... должно быть задачей общественного прогресса»⁸.

По суждению С. Л. Франка: «...История есть процесс воспитания человеческого рода. ...Прошлое не пропадает даром, как-то соучаствует в настоящем и им используется, т. е. ...происходит какой-то процесс *накопления, обогащения*»⁹. При этом он не имеет в виду примитивный прогресс просветительского толка, просто «прошлое сохраняется в настоящем», наслаиваясь в культурной памяти друг на друга. Для христианина «история имеет смысл именно потому, что она есть развитие, развертывание, обнаружение и воплощение вечной силы бытия...», и потому, что она осуществляет «приближение мира, сложными и таинственными путями, к его конечной цели, некое внутреннее созревание мира, подготавливающее его последнее просветление и преобразование»¹⁰.

Оптимизм и пессимизм. По отношению к ценностным перспективам бытия человечества возможны две позиции — оптимизма и пессимизма. Оптимизм характеризует уверенность в успешной реализации смысла истории, заключающейся в торжестве социальной гармонии. Истоки оптимизма и образ смысла истории, по С. Грофу, восходят к первой базовой перинатальной матрице, которая создает имманентный опыт гармонии отношений со средой. Интересно сравнить эти идеи с тем, что в исторической телеологии М. М. Бахтин обнаруживал феномен «исторической инверсии»: «Сущность такой инверсии сводится к

⁷ Гумбольдт В. фон. О задаче историка // Там же. С. 306.

⁸ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 47.

⁹ Франк С. Л. Духовные основы общества. С. 449.

¹⁰ Там же. С. 450.

тому, что мифологическое и художественное мышление локализует в прошлом такие категории, как цель, идеал, справедливость, совершенство, гармоническое состояние человека и общества и т. п. Мифы о рае, о золотом веке, о героическом веке, о древней правде; более поздние представления о естественном состоянии, о естественных прирожденных правах и др. — являются выражением этой исторической инверсии. Определяя ее несколько упрощенно, можно сказать, что здесь изображается как уже бывшее в прошлом то, что на самом деле может быть или должно быть осуществлено только в будущем, что, по существу, является целью, долженствованием, а отнюдь не действительностью прошлого»¹¹. Все эти мифы о «золотом веке», с одной стороны, являются отражением памяти о внутриутробной гармонии, с другой — мечтами о возвращении в будущем такой гармонии. По словам Достоевского, «золотой век — мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже и умереть»¹².

В конце XX века все более явственно ощущается духовный кризис общества, в немалой степени связанный с вопросом о смысле истории. В докладе «Пределы роста» Римскому клубу Денис Медоуз и его соавторы зафиксировали важнейшие проблемы современного общества: «Нищета среди богатства, деградация окружающей среды, потеря доверия к социальным институтам, неконтролируемая урбанизация, неустойчивая занятость, отчуждение молодежи, распад традиционных ценностей, инфляция и затруднения в экономической и финансовой сфере»¹³.

Американский социолог Г. Адамс подчеркивал, что «с 1800 по 1900 г. мир не удвоил и не утроил свое движение, но по любым принятым в науке меркам — будь то лошадиные силы, калории, вольты, масса любой формы — и напряжение, и вибрация, и объем, и т. п. прогресс общества был в 1900 г., пожалуй, в 1000 раз больше, чем в 1800»¹⁴. В связи с ускорением темпов развития жизнь стремительно ускользает в будущее. Как писал А. Тоффлер, человеческая цивилизация насчитывает примерно 50 тысяч лет. Если принять средний возраст человека в

¹¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 297.

¹² Достоевский Ф. М. Подросток // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1975. Т. 13. С. 375.

¹³ Meadows D. H., Meadows D. L., Rander J., Behrens W. W. The Limits to Growth. N. Y., 1972. P. 10.

¹⁴ Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. С. 323.

62 года, то за эти годы на земле сменилось около 800 поколений, из которых 650 ютились в пещерах и шалашах, 730 не знали письменности, а 794 — печатного слова. Электромоторами пользовались два последних, а наши современники создали больше материальных ценностей, чем все предшествующие поколения. Экстраполирование в будущее этого убыстряющегося темпа развития человечества создает «шок от будущего»¹⁵. По Тоффлеру, основные ценности индустриального общества следующие:

- большинство людей хотят от жизни одного и того же, главной целью является экономический успех;

- чем больше фирма, тем больший доход она приносит;

- главными факторами производства являются труд, сырье и капитал, а не земля;

- производство стандартизованных товаров и услуг более эффективно, чем ручное штучное производство;

- наиболее эффективной организацией является бюрократия;

- прогрессу способствует стандартизация производства.

В супериндустриальном обществе происходит существенный сдвиг ценностей:

- в связи с удовлетворением базовых потребностей снижается эффективность экономических стимулов;

- возникают количественные ограничения для фирм;

- возрастает ценность информации по сравнению с землей, трудом, сырьем и капиталом;

- на смену массовому стандартизованному производству приходят индивидуальные продукты потребления и услуги;

- вместо бюрократии большей эффективностью обладают временные организационные формы, способные принимать нестандартные, творческие решения;

- развитие технологии не совпадает с прогрессом и не гарантирует его;

- людей привлекает работа, позволяющая свободу действий и самореализацию¹⁶.

Смысл истории многогранен, для отдельного человека он воплощается в задаче идентификации себя с тем прошлым, которое определило его сущность как самоценного индивида и составной части различ-

¹⁵ См.: Тоффлер О. Столкновение с будущим // Иностранная литература. 1972. № 3. С. 290.

¹⁶ См.: Философское понимание человека: Сб. обзоров. М., 1988. Вып. 1. С. 176—178.

ных групп (этноса, нации и др.)¹⁷. Метафорой такого осмысления истории является «зеркало», глядя в которое человек пытается рассмотреть себя и то, что за его спиной.

Смысл истории — это, как говорил Ильин, вопрос веры. Крушение социалистической мономифологической картины мира, очевидное для абсолютного большинства граждан России, создало предпосылки для возникновения новой мифологии. Под «новой мифологией» здесь понимается не только новая парадигма осмысления целей и смыслов жизни, но и новая картина мира настоящего и будущего, новое отношение к времени. Термин «мифология» здесь является амбивалентным указателем на позитивные перспективы, обнадеживающие историческое движение, на конечную фальсифицируемость парадигмальной концепции в духе Поппера.

Зачем создается миф? Чтобы *освоить* мир в его коллизиях, овладеть ситуацией дискомфорта, чтобы превратить неизвестную, пугающую напряженность ожидания в простую и понятную надежду и мобилизовать силы на достижение намеченной цели. Таким образом, смысл истории всегда мифологичен, то есть имеет значимость лишь в определенной мифологической системе ценностей. Такова гегелевская телеология Абсолютного Духа или Абсолютного Разума, у Ницше — самореализация свободного сверхчеловека, у Соловьева — путь от Богочеловека Христа до Богочеловечества, у Даниила Андреева — формирование общечеловеческого братства и одухотворение природы, социалистическая мифология — реализация коммунизма как «светлой мечты» человечества о социальной гармонии.

В телеологии истории необходимо выделить два аспекта: во-первых, функциональная доминанта бытия и деятельности человека как антиэнтропийного, организующего и упорядочивающего космос фактора направлена на континуальную открытость в вечность; во-вторых, общество в целом и его отдельные части осуществляют ценностное прогнозирование и дискретное осмысление истории в виде субъективно обозримых временных этапов, оформляя их в символические мифологические концепции.

¹⁷ Подробнее см.: Пивоев В. М. Философия истории. Петрозаводск, 2004.

9. УТОПИЧЕСКИЙ ТЕЛЕОЛОГИЗМ

Льюис Мэмфорд предложил различать «утопию бегства» и «утопию реконструкции». Как указывал П. Александер, «построение утопий повсеместно считается вредным делом и притом по двум взаимоисключающим обстоятельствам: а) утопия несбыточна, б) реализованная утопия — это тоталитарное государство»¹. На самом деле утопии необходимы, потому что помогают осмысливать жизненные перспективы. Число произведений, в которых описываются разные типы утопий, насчитывается уже более двух тысяч.²

Опыт внутриутробной гармонии — это такой архетипический опыт, который оказывает огромное влияние на телеологическое планирование жизненной стратегии и подталкивает к попыткам представить себе «светлое будущее» и сочинять утопии. По словам польского историка А. Свентоховского, «утопия, как идеал общественных отношений, представляет собой наиболее всеобщий элемент в духовном мире. Входит она в состав всех религиозных верований, этических и правовых теорий, систем воспитания, поэтических произведений — одним словом, всякого знания и творчества, дающего образцы человеческой жизни. Невозможно представить себе ни одной эпохи, ни одного народа, даже ни одного человека, который не мечтал бы о каком-то рае на земле, который бы не был в большей или меньшей степени утопистом. Где только существует нищета, несправедливость, страдание, — а существуют они всегда и везде, — там должно появиться также искание средств для искоренения причин зла. Через всю историю культуры проходит целая лестница самых различных видов утопий — от представлений дикого кочевника до размышлений современного философа...»³.

Карл Мангейм выделял четыре типа утопического сознания: «органистический хилиазм анабаптистов», связанный со средневековыми мечтами о «небесном Иерусалиме» (Томас Мюнцер); либерально-гуманисти-

¹ Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время: В поисках утраченного. М., 1997. С. 318.

² См.: Баталов Э. Я. В мире утопии. М., 1989. С. 3.

³ Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 5.

ческая идея (Просвещение); консервативная идея (от Платона до Гегеля); социалистическо-коммунистическая утопия (Маркса и Ленина)⁴.

Одним из источников утопических идей с полным основанием можно считать древнееврейскую секту ессеев, которая существовала с 145 года до н. э. до 72 года н. э. в Палестине. Секта была схожей с орденном монахов, претендентов испытывали в течение нескольких лет прежде, чем принимали в общину. Секта жила на коммунистических началах, отрицала частную собственность, роскошь, рабство, семью. Все, что зарабатывали члены секты, клали в общий котел, а потом каждому выдавалось необходимое попечителями по уравнильным нормам и по потребности. Идеология ессеев имеет немало сходства с гностиками, есть основания предполагать, что Иисус Христос был знаком с ессеями, а может быть, жил у них⁵.

Традиции ессеев продолжают современные еврейские коммуны-кибуцы, которые успешно существуют в Палестине. Правда, идеологи этого движения говорят о кризисе, опираясь на то, что половина детей, выросших в коммуне, покидают ее, но вторая-то половина остается!

Истоки утопических концепций государства обычно возводят к Платону, но если говорить об утопическом социализме как интеллектуально-умозрительной модели государства, то классический утопический социализм связан с именами Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Роберта Оуэна, Шарля Фурье, Клода Анри Сен-Симона и др.

Слово «утопия» (*греч.* ου — нет и толоζ — место или ευ — благо и толоζ — место) прочитывается как «не-место» или «место блага», «благое место». Буквально говоря, «утопия» — это несуществующее место. В трактате «Утопия» (1516) Мором было изображено якобы обнаруженное неким моряком на острове общество, где ликвидирована частная собственность и введены равенство потребностей, общественное производство и быт. Труд организован по норме и по обязанности, потребление — по разумным и нормированным потребностям. Изображение идеального общества сопровождалось критической оценкой современной Мору Англии⁶.

Для Мора и его последователей характерны:

⁴ См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 180—207.

⁵ См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992. Т. 1. С. 872; Тексты Кумрана. М., 1971. Вып. 1. С. 13—14.

⁶ См.: Мор Т. Утопия. М., 1978.

- отрицание частной собственности;
- утверждение тех или иных форм общественного производства вместе с всеобщей обязанностью трудиться;
- строго ограниченная продолжительность рабочего дня и использование свободного времени для развития личности работника;
- соединение земледельческого труда с ремеслом;
- распределение готовой продукции с общественных складов;
- отсутствие денег.

Томазо Кампанелла в трактате «Город Солнце» (1623), написанном в тюрьме инквизиции, изобразил страну, где благодаря общности имущества нет ни богатых, ни бедных, а труд, являющийся обязанностью всех жителей, обеспечивает удовлетворение всех потребностей. В городе Солнца существует общность жен и детей и жестко регламентируется жизнь каждого человека. В романе В. Тендрякова «Покушение на миражи» содержится сатирическая попытка представить прибытие Кампанеллы в реализованный город его мечты, где его ожидало бы жестокое разочарование.

Роберт Оуэн — создатель коммун «Новая гармония» в США (1825—1829) и «Гармони-холл» в Англии (1839—1845). Известно, что наследник русского императорского трона Александр посетил английскую коммуну и весьма заинтересованно изучал ее устройство. По мнению Оуэна, причина всех форм социального зла — общественный строй, основанный на частной собственности. Вслед за философами-позитивистами и материалистами он считал, что источник человеческих пороков — условия жизни. Преобразуя эти условия, можно создать новый, лучший мир. Поэтому он пытался реализовать социальную организацию, основанную на семейной общине, занимающейся производством.

В основе теории Шарля Фурье лежит критика «социэтарного» общества, основанного на эксплуатации и вражде каждого к другим. Источник социального зла — торговля как система узаконенного обмана. Среди основных положений можно назвать следующие: требование права на труд; наивная вера в гениальную личность, которая поведет человечество в царство социальной гармонии, где общество сможет обеспечить своих членов всем необходимым.

Клод Анри Сен-Симон полагал, что каждая общественная система — это шаг вперед в истории. Движущими силами общественного прогресса являются научные знания, мораль, религия. Труд — это первая и важнейшая моральная обязанность человека, капиталисты — доверенные

лица общества, а главная задача социалистического преобразования — всемерное развитие производства.

Антиутопия. XX век дал десятки утопий разных типов: от социологических очерков до социальной фантастики⁷, но появился и новый жанр — антиутопии. Авторы последних пытаются представить себе и нам, что будет, если утопию реализовать, построить реальное общество по принципам социализма. И тогда рождаются на страницах этих произведений страшные картины, где гротескно преувеличены доведенные до логического завершения черты реального социализма: Е. Замятин «Мы», Д. Оруэлл «1984» и «Скотский хутор», О. Хаксли «О, дивный новый мир», И. Ефремов «Час быка», В. Тендряков «Покушение на миражи».

Примером также может служить композитор А. Шнитке, которого долго преследовали, не исполняли его произведений. Последние годы он жил в Германии. В 1992 году в Амстердаме состоялась премьера его оперы «Жизнь с идиотом» по одноименному рассказу В. Ерофеева. В гротескно-абсурдной форме показано, как бездетная супружеская чета (Россия) выбрала в сумасшедшем доме и усыновила Вову (Владимира Ильича), который, отъездив и отдохнув, принялся безобразничать и пакостить: отрезал голову прежней России, затем изнасиловал новую. Многоглаголивая историческая проба противопоставлена немногословие оперного персонажа, способного произносить лишь междометие «Эх!» с разными интонациями. Но основной смысл этого восклицания — разочарование. Именно эта эмоция подводит итог жизни вождя, который по невежеству своему и наивности попытался реализовать в России утопию, не догадываясь, что утопии в принципе не должны воплощаться в жизнь, они не для этого создаются, это абстрактная от начала до конца и нежизнеспособная социальная модель.

Конечно, утопии обществу нужны. «Обществу, неспособному создавать утопии и воодушевляться ими, угрожает склероз и разрушение», — писал Э. М. Сьоран⁸. Неверно также считать утопии только несбыточной мечтой, дело не в этом. Утопию реализовать можно, коммунисты это доказали, но жить в утопии невыносимо тяжело. Об этом слова Н. А. Бердяева: «...Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления»⁹. Любые попытки с помощью наси-

⁷ См.: Утопия и утопическое мышление: Антология зарубежной литературы. М., 1991.

⁸ Цит. по: Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990. С. 15.

⁹ Бердяев Н. А. Новое Средневековье. Берлин, 1924. С. 121.

лия и миллионов жертв реализовать утопию могут дать лишь временный эффект, рано или поздно люди найдут способ избавиться от нее и начать жить по-человечески, а не по указаниям «мудрого вождя» и партийного руководства. Не понимать этого значит заслужить столь нелестный эпитет В. Ерофеева и А. Шнитке.

Как писал Ж. Эллюль, «все утопии были триумфом технологизма. То, что бессознательно предлагают нам футурологи, — это *радикально* технизированный мир, из которого убраны только явные, вопиющие неудобства техники; это абсолютный триумф технического рационализма под прикрытием мечты. Утопия есть самая монотонная, самая тошнотворно скучная из всех мыслимых вселенных. Характернейшая черта утопии — это маниакальная страсть к организованности. Обитатель утопии безнадежно и окончательно инфантилен»¹⁰.

Утопические социалистические идеи создаются интеллектуалами, которые склонны переоценивать свои знания, но впадают в соблазн попытаться силой навязать созданную ими «идеальную» модель государства обществу. Поскольку добровольно общество эти модели принимать не хочет, то часто появляется желание внедрить их силой. Здесь истоки экстремизма неотроцкистов, неоанархистов, маоистов и «новых левых».

Завершить этот раздел можно словами П. И. Новгородцева:

«1) Надо отказаться от мысли найти такое разрешительное слово, которое откроет абсолютную форму жизни и укажет средства осуществления земного рая.

2) Надо отказаться от надежды в близком или отдаленном будущем достигнуть такой блаженной поры, которая могла бы явиться счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории»¹¹. Задача утопии не в том, чтобы дать практический рецепт создания земного рая, а в выражении нравственного идеала совершенной и гармоничной жизни, помогающего выстроить такую стратегическую программу, которая будет содействовать уменьшению дисгармонии, разрушительности и энтропии в жизни людей.

¹⁰ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 147.

¹¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 33.

10. БОГ КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ И МИРА

Е. Н. Трубецкой полагал, что вопрос о «мировом смысле», воплощаемом крестом (где происходит соединение смысла жизни и смысла смерти), — «этот вопрос о всеильном и всепобеждающем смысле есть вопрос о Боге. — Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни»¹.

Такая постановка вопроса у одних читателей вызовет недоумение, равно как другими будет принята как вполне естественная. Для атеистов Бог не имеет смысла, ибо они *верят*, что это всего лишь иллюзия, направленная на поиск обнадеживания и утешения; в лучшем случае Он имеет смысл для них как средство нравственного регулирования. Однако несложно убедиться, что вера атеистическая опирается на невежество (коль скоро атеист отрицает то, о чем понятия не имеет), она пессимистична и разрушает духовные основания культуры, тогда как вера религиозная оптимистична и служит базой для развития духовной культуры.

Однако если мы попытаемся рассмотреть духовную субстанцию мира как инобытие мира материального, то неизбежно сущность этой духовной субстанции оказывается неотделимой от понятия Бога.

Связь *смысла* с Богом является для российской философии вполне традиционной, что можно обнаружить у Е. Н. Трубецкого, Н. О. Лосского, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и др. Опираясь на эти традиции, автор предлагает несколько иной подход, связанный с пониманием духовной субстанции как основы всеобщего смысла и всех возможным смыслов.

Л. Н. Толстой рассказал притчу: на путника в степи напал разъяренный зверь, от которого тот попытался спастись в колодце, но внизу его подстерегала не меньшая опасность в виде дракона. Тогда он вскарабкался по стенам колодца и, схватившись за ветви куста, повис между двумя опасностями; увидев на ветке капли меда стал лизать их; между тем две мыши, черная и белая, стали подгрызать ствол куста. Так, день и ночь уменьшается нить нашей жизни, приближая неотвратимую смерть. Две капли «меда» для Толстого — любовь к семье и творчеству — не спасали от неизбежной и главной проблемы: «Зачем?» Ответ,

¹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М., 1994. С. 47.

который он нашел: «Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога»². Правда, позднее гордыня знания увела его на ложный путь.

Главным вопросом, на который отвечает религия, является следующий: «Имеется ли в жизни смысл, который не утрачивается вместе с моей смертью?» А. Ф. Лосев именно в связи с этим и сформулировал определение религии: «субстанциальное самоутверждение личности как таковой в вечности»³. Только Бог дает исчерпывающий ответ на вопрос о смысле жизни.

В некоторых философских попытках осмысления Бога есть такая точка зрения: «Бог есть все». Но в каком смысле «Бог есть все»? Попытки Спинозы отождествить Бога и природу есть всего лишь наивный пантеизм. Бог не есть природа, он ее источник и руководитель, но говорить о тождественности здесь невозможно.

Думается, что Бога правильнее рассматривать как духовную субстанцию, которая пронизывает весь природный мир, но которая не тождественна ему.

Во-первых, она есть абсолютный субъект, хотя отдельного обсуждения требует вопрос о личностной составляющей духовной субстанции.

Во-вторых, она есть абсолютный разум.

В-третьих, сущностной характеристикой этой духовной субстанции А. Ф. Лосев вслед за Аристотелем считал энергичность.

В-четвертых, важной чертой следует считать информацию.

В-пятых — внепространственность.

В-шестых — внекаузальность.

В-седьмых — вневременность.

Внепространственность нужно понимать в смысле вневходимости по отношению к трем измерениям традиционного физического пространства, хотя это могут быть иные измерения пространства. Вневременность связана с причинностью, ибо то, что не имеет причины, не имеет и конца, является вечным. Вопрос о смысле Бога — вне нашей компетенции.

Пример Христа является тем образцом, подражая которому человек возвышает себя. В этом и проявляется его (человека) духовность, если иметь в виду традиционное определение: духовность есть устремленность к идеалам, высшим ценностям истины, добра и красоты.

Е. Н. Трубецкой предложил теорию кондиционализма, или условного бессмертия, достигаемого через свободный выбор и творчество само-

² См.: Толстой Л. Н. Исповедь // Соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 118—119, 152.

³ Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Миф — число — сущность. М., 1994. С. 191.

го человека. Человек в потенции — тварный бог, но без сотрудничества с Богом он не может осуществить в себе Божественную идею, реализовать свое «духовное рождение».

Фатализм. Упование на Бога является одной из важных ценностей и опор веры. Однако другой важной религиозной ценностью является трудолюбие, ибо трудом мы славим Бога и он награждает людей за праведный труд. Если человек будет пассивно ждать от Бога подарков, то едва ли он их получит.

Фатализм наиболее органично присущ исламу, ибо быть мусульманином означает быть покорным воле Аллаха. Беспрекословное повиновение, подчинение — вот что требует от верующего ислам.

Но и в христианстве с легкой руки Аврелия Августина содержится идея *предопределения* человека от рождения к спасению или греху. Что же, некоторую предопределенность в человеческом существовании обнаружить действительно можно. Например, одно дело, если человек родился в семье американского миллионера, совсем другое — если он родился в семье петрозаводского безработного. Две эти ситуации красноречиво показывают различные стартовые условия человеческой жизни, хотя финал может быть одним и тем же.

Религия помогает человеку обрести ориентированность в его существовании на идеальный смысл, который выше его, который возвышает любого человека. «Кто вожделеет высокого, тот высок», — писал Мейстер Экхарт. В. Франкл приводит верное наблюдение Гёте: «Принимая его (человека. — В. П.) таким, какой он есть, мы делаем его хуже; принимая его таким, каким он должен быть, мы заставляем его быть таким, каким он может стать»⁴.

М. М. Рубинштейн в двухтомном труде, посвященном проблеме смысла жизни, указывал: «Весь ход жизни и все усилия личности должны быть овеяны ароматом сверхлично обоснованной *надежды* — подкрашенной не только верой в себя, но и силами сверхличного порядка»⁵. Целью жизни христианина обычно почитают «славу Божию», но М. Тареев уточнил: «...Наивысшее значение природной ничтожности мира и смирения человека в том, что смирение человека служит условием откровения божественной славы в форме духовной жизни, которая и составляет наивысший смысл мировой жизни»⁶. Почти об этом же говорил и Л. Н. Толстой в своей «Исповеди»: «Где жизнь, там и вера; с тех

⁴ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 27.

⁵ Рубинштейн М. М. О смысле жизни: В 2 т. М., 1927. Ч. 1. С. 197.

⁶ Тареев М. Цель и смысл жизни // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 174.

пор, как существует человечество, существует и вера, которая дает возможность жить, и главные черты веры везде и всегда одни и те же. <...> ...Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь верит. Если бы он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. <...> Понятие бесконечного Бога, божественности души, связи дел людских с Богом, единства, сущности души, человеческого понятия нравственного добра и зла — суть понятия, выработанные в скрывающейся бесконечности мысли человеческой, суть те понятия, без которых не было бы жизни и меня самого, а я, отринув всю эту работу всего человечества, хочу все сам один сделать по-новому и по-своему. <...> Я начинал понимать, что в ответах, даваемых верой, хранится глубочайшая мудрость человечества и что я не имел права отрицать их на основании разума, и что главные ответы эти одни отвечают на вопрос жизни. <...> Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь. “Живи, отыскивая Бога, и тогда не будет жизни без Бога”»⁷.

Проблема смысла имеет также мифологическую основу, которая понятна в свете нашего понимания мифологии. Речь идет о глубокой укорененности в ночном сознании и связи с надеждой, что защищает человека от энтропийного потенциала, вооружает духовной энергией, осуществляющей телеологическую организацию поведения и деятельности в его стремлении к идеалам, помогает противостоять силам зла, обеспечивает более высокую степень адаптации, приспособления, вписывания в социоприродную среду⁸.

⁷ Толстой Л. Н. Исповедь. С. 141—152.

⁸ См.: Пивовев В. М. Миф в системе культуры. Петрозаводск, 1991. С. 201.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Телеология, претендуя на статус научной дисциплины, может указать, во-первых, на свой предмет, заключающийся в осмыслении целесообразности существования человека и человечества. Во-вторых, методология телеологического изучения мира имеет аксиологический характер, определяется потребностями и мотивами поведения и деятельности человека. В-третьих, важнейшие категории телеологии: смысл, цель, стратегия, тактика, абсурд, забота, счастье, любовь, жизнь, смерть, бессмертие. В-четвертых, существо предлагаемой в данной работе концепции телеологии можно изложить кратко в следующих положениях. Смыслом автор, развивая точку зрения М. М. Бахтина, называет то, что связано с потребностями человека. Если что-либо с потребностями человека не связано, оно не имеет для него смысла. При этом следует различать личностные и общезначимые, т. е. социальные смыслы. Тогда предмет, не имеющий для данного человека личностного смысла, может иметь для него социальный смысл, как способный удовлетворять потребности других людей, группы или общества.

Одной из важнейших проблем телеологии автор считает проблему смысла жизни. При этом вводится различие понятий «смысл жизни» и «цель жизни». Смысл жизни рассматривается как *стратегия*, отдаленная абстрактная жизненная перспектива, выбранная в начале жизни и впоследствии не пересматриваемая. А цель жизни истолковывается как *тактика*, то есть промежуточный этап или задача, подчиненная стратегической жизненной программе. Тактику жизни нужно регулярно пересматривать. Тактические задачи должны быть трудными, но достижимыми, ибо при решении слишком трудной задачи можно надорваться и испытать пессимизм и неверие в свои собственные силы и возможности. Напротив, слишком легкая цель при ее достижении не дает удовлетворения, что легко досталось — ценится невысоко.

Смысл жизни человек должен самостоятельно найти и добровольно принять. Любое насилие и принуждение в этом выборе ведут к краху. Смыслы жизни могут иметь следующие варианты, каждый из которых человек добровольно выбирает для себя, исходя из своих интересов, способностей и возможностей:

- 1) творчество и созидание (труд);
- 2) духовная деятельность и религия;

- 3) любовь, семья и воспитание детей;
- 4) общение с друзьями и деятельность на благо общества;
- 5) руководство и подчинение;
- 6) потребление и удовольствия;
- 7) увлечения и хобби.

Нельзя целью жизни делать счастье, таким путем, как верно заметил В. Франкл, счастья достичь невозможно. Счастье есть побочный эффект от реализации смысла жизни — это первое условие счастья.

Второе условие счастья — это достижение взаимопонимания с другими, близкими, друзьями, которые являются участниками реализации смысла жизни. Причем особенно важно эмоциональное общение и взаимопонимание, любовь, сочувствие и помощь.

Третье условие — надо жить настоящим, радоваться каждому дню и тем смыслам, которые каждый день дает. Если же мы будем слишком много думать о вчерашнем дне и его упущенных возможностях или слишком тревожиться о завтрашних возможных неприятностях — счастья нам не видать.

Четвертое условия счастья определяется полнотой самореализации. Возможен выбор в качестве смысла жизни любого из семи типичных вариантов, но лучше всего, если все эти аспекты находят свое место в иерархически выстроенной многосторонней жизненной программе. Только тогда человек получает полноценное счастье от многогранной самореализации.

Пятое условие счастья — духовное самосовершенствование и достижение «второго духовного рождения».

Шестое условие счастья связано с пониманием бытия как самореализации через самоотдачу, когда человек отдает себя людям, помогает им, облегчает их страдания или создает то, что дает им радость и надежду.

Седьмое условие — достижение единства с Богом.

Свой смысл имеет и смерть. Одно дело, если человек одаренный, обещающий многое, гибнет случайной, нелепой и бессмысленной смертью. Другое дело, если человек через смерть добивается победы, доводит до успешного конца дело своей жизни и погибает, зная, что жизнь прошла не напрасно, или ценой своей гибели человек спасает многих людей — такая смерть исполнена смысла. Смерть может быть желанной и спасительной, если человек прожил долгую жизнь, успешно реализовал свою жизненную программу, вырастил детей, оставил в обществе

достойную о себе память и устал от тягот жизни, тогда он зовет смерть как заслуженный отдых и награду за долгие труды.

В философии истории важнейшей проблемой является смысл истории, который связан с самореализацией человечества в борьбе с энтропией.

Важнейшим выражением смысла индивидуального и общего человеческого существования является Господь Бог, который воплощает в себе источник смысла и служит гарантом смысла человека и жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Арьес Ф. Человек перед лицом смерти / Ф. Арьес. М., 1992.
- Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон. Минск, 1999.
- Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. М., 1990.
- Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. М., 1993.
- Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые. СПб., М., 2001.
- Введенский А. Условия допустимости веры в смысл жизни / А. Введенский // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 93—122.
- Вишев И. В. На пути к практическому бессмертию / И. В. Вишев. М., 2002.
- Гроф С. Человек перед лицом смерти / С. Гроф, Д. Хэлифакс. М., 1996.
- Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: О новом направлении в зарубежной историографии / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. М., 1989. С. 114—135.
- Делёз Ж. Логика смысла / Ж. Делёз. М., 1995.
- Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. М., 1994.
- Жизнь после жизни / Под ред. П. С. Гуревича. М., 1990.
- Камю А. Бунтующий человек / А. Камю. М., 1990.
- Карсавин Л. П. Поэма о смерти / Л. П. Карсавин // Карсавин Л. П. Религиозно-философские сочинения. М., 1992. Т. 1. С. 235—305.
- Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека / Л. Н. Коган. М., 1984.
- Коган Л. Н. Человек и его судьба / Л. Н. Коган. М., 1988.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла / А. Н. Леонтьев. М., 1999.
- Лосев А. Ф. Самое само / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М., 1994. С. 299—526.
- Лотман Ю. М. Смерть как проблема сюжета / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 417—430.
- Мечников И. И. Этюды оптимизма / И. И. Мечников. М., 1988.
- Модестов А. Е. О смысле жизни в русской художественной литературе XIX века / А. Е. Модестов. СПб., 1914. Вып. 1—2.
- Мордовцева Т. В. Идея смерти в культурфилософской ретроспективе / Т. В. Мордовцева. Таганрог, 2001.
- Моуди Р. Жизнь после жизни / Р. Моуди // Восток и Запад о жизни после смерти. СПб., 1993. С. 193—300.

- Несмелов В. Н. Вопрос о смысле жизни в учении новозаветного откровения / В. Н. Несмелов // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 65—92.
- Павилюнис Р. И. Проблема смысла / Р. И. Павилюнис. М., 1983.
- Пивоев В. М. Философия. Ч. 2. Основы философских знаний: Учеб. пособие / В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2003.
- Пивоев В. М. Философия истории: Учеб. пособие / В. М. Пивоев. Петрозаводск, 2004.
- Смысл жизни в русской философии: Конец XIX — начало XX в. СПб., 1995.
- Смысл жизни: опыт философского исследования. М., 1991.
- Соловьев В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев // Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 493—547.
- Розанов В. В. Цель человеческой жизни / В. В. Розанов // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 19—64.
- Тареев М. Цель и смысл жизни / М. Тареев // Смысл жизни: Антология. М., 1994. С. 123—242.
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. М., 1981.
- Толстой Л. Н. О жизни / Л. Н. Толстой // Избр. филос. произв. М., 1992. С. 421—523.
- Толстой Л. Н. Путь жизни / Л. Н. Толстой. М., 1993.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой. М., 1994.
- Тибетская книга мертвых. СПб., 1992.
- Трегуб Л. Эстетика самоубийства / Л. Трегуб, Ю. Вагин. Пермь, 1993.
- Федоров Н. Ф. Соч.: В 4 т. / Н. Ф. Федоров. М., 1995.
- Фигуры Танатоса: Искусство умирания / Под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. СПб., 1998.
- Философия истории: Антология / Сост. Ю. А. Кимелев. М., 1995.
- Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк // Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 147—216.
- Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. М., 1990.
- Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / А. Шопенгауэр // Шопенгауэр А. О четверояком корне... Мир как воля и представление. Критика кантовской философии. М., 1993. Т. 1. С. 125—504.
- Эриксон Э. Идентичность. Юность и кризис / Э. Эриксон. М., 1996.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Вопросание о смысле и освоение мира	8
Освоение	9
Сущность вещи и ее смысл	16
Значение и смысл	17
2. Аксиология смысла	22
Ценность как смысл	22
Ценностная обусловленность	24
3. Жизнь: детерминация и воление	33
Детерминация	33
Воление	39
4. Телеология как наука о полагании смысла	45
Телеология	45
Целесообразность	47
Планирование деятельности	50
5. Смысл жизни	53
Основной вопрос философии	53
Счастье	60
Любовь	66
Как строить жизненную программу?	70
6. Бессмысленность жизни	73
Нигилизм	74
Абсурд и бунт	76
Одиночество	78
7. Смысл смерти	80
Танатология	81
Иммортология	90
8. Смысл истории	92
Метафизика истории	92
Оптимизм и пессимизм	94
9. Утопический телеологизм	98
Антиутопия	101
10. Бог как смысл жизни и мира	103
Фатализм	105
Заключение	107
Литература	110

Научное издание

Пивоев Василий Михайлович

ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА, или ТЕЛЕОЛОГИЯ

Редактор Е. А. Нетылько

Компьютерная верстка и оформление обложки В. М. Пивоев

*В оформлении обложки использована иллюстрация к «Калевале»
А. Гален-Калеллы*

ЛР № 040110 от 10.11.1996. Подписано к печати 13.05.04.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 29. Тираж 200 экз. Изд. № 40.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Петрозаводский государственный университет»
185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ

Пивоев Василий Михайлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии Петрозаводского государственного университета, заслуженный деятель науки Республики Карелия, действительный член Академии гуманитарных наук, автор 120 научных работ по философии, эстетике, культурологии, в том числе книг «Мифологическое сознание как способ освоения мира» (1991), «Миф в системе культуры» (1991), «Философия и психология политики» (1991), «Культурология: Введение в историю и философию культуры: В 2 ч.» (1997), «Философия. Ч. 1. История философии» (1998; 2002), «Философия культуры: В 2 ч.» (1999; 2001), «Ирония как феномен культуры» (2000), «Культура Карелии» (2003), «Философия. Ч. 2. Основы философских знаний» (2003), «Методология научной деятельности» (2003), «Практикум по философии» (2004), «Философия истории» (2004).